КОНСТАНТИНЪ ѲЕДОРОВИЧЬ КАЛАЙДОВИЧЬ.

Біографическій очеркъ.

П. Безсонова.

О малѣ былъ есм вѣренъ:
надъ многими тя поставлю.

I.

МОСКВА.
Въ типографіи Александра Семена.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Генваря 3-го дня 1861 года.

Цензоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

173
37

(изъ Русской Бесѣды, кн. II, 1860 г.).

ПОГРѢШНОСТИ

Въ біографическомъ очеркѣ.

Стран. 5, строка 14, напечатано:	Слѣдуетъ исправить:
И тогда же представилъ сюда — — —	и тогда же (въ засѣданіе Октября 28) представилъ сюда
— 6, строка 10: *«Замѣчанія и объясненія двухъ грамотъ* —	*«Замѣчанія на объясненія двухъ грамотъ*
— 17, строка 9: Между тѣмъ пріѣхалъ вскорѣ — — —	Между тѣмъ пріѣхалъ недавно предъ тѣмъ
— 20, строка 8 снизу: *Записку о жизни* — — — — — —	*Записки о жизни*
— строка 12 снизу: 1813 и 1814 года. № 23 и 24, мѣс. Дек. и Янв.: — — — — — — — — —	1813 года, № 23 и 24, мѣс. Дек.:
— 22, строка 18 и 19: *«Библіографическое замѣчаніе о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи древностей* —	*«Біографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи Россійскихъ Древностей*
— 24, строка 5 снизу: *Матрушина* — — — — — — — —	*Матрунина*
— строка 10 и 11 снизу: въ № 2-мъ *«О Евангеліи, напечатанномъ въ Вильнѣ.»* — — — — — — —	въ № 3-мъ *«О древнихъ Русскихъ медаляхъ»* и *«О портретѣ царя Ѳеодора»*; 1824 г., въ № 19-мъ, *«Записка о выѣздѣ въ Россію правнуковъ Кн. А. М. Курбскаго»*
— строка 11 снизу: въ № 6-мъ *«Азбука Бурцова»*; — — —	въ № 11-мъ, *«Азбука Василія Бурцова»*;

II

— 26, строка 15 и 16:
В. Н. Козловъ — — — — — — — — В. И. Козловъ
— 28, строка 9 и 10:
Вскорѣ за тѣмъ — — — — — — — — Въ то же время
— 32, строка 12:
отъ 25 Января — — — — — — — — отъ 29 Января
— 43, строка 17:
Г. Н. М., — — — — — — — — Г. И. М.,
— 46, строка 16 снизу:
писемъ — — — — — — — — письма

КОНСТАНТИНЪ ѲЕДОРОВИЧЬ КАЛАЙДОВИЧЬ.

Біографическій очеркъ.

Константинъ Ѳедоровичь Калайдовичь имѣлъ въ ученой литературѣ нашей такое обширное значеніе, что подробный разборъ сего послѣдняго необходимо повлекъ бы за собою изслѣдованіе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ по Русской исторіи и филологіи, за первую треть настоящаго столѣтія. Жизнеописатель, на первый разъ, можетъ по крайности удовольствоваться изложеніемъ главнѣйшихъ событій жизни частной и служебной, имѣя въ виду разъяснить, какъ отсюда истекала, развивалась и опредѣлялась дѣятельность ученая, въ свою очередь имѣвшая вліяніе на личный характеръ Біографія этого рода тѣмъ болѣе необходима, что, по странному опущенію, въ литературѣ нашей не было доселѣ попытки собрать достаточныя свѣдѣнія о покойномъ; и тѣмъ болѣе возможна, что бумаги его сохранились въ большомъ обиліи, а преданія объ немъ живутъ въ устахъ множества его знакомыхъ и родныхъ (1).

Фамилія Калайдовичей, по преданію, вышла въ Россію изъ предѣловъ южнаго Славянства при извѣстномъ переселеніи, бывшемъ во времена императрицы Елизаветы. Въ концѣ прошлаго вѣка, въ Орловскомъ намѣстничествѣ, въ городѣ Ельцѣ, находимъ на службѣ лѣкаря Ѳедора Дмитріевича Калайдовича, изъ дворянъ. Здѣсь-то, въ 1792 году, родился у него сынъ Константинъ. Первыя начала ученія положилъ онъ въ Елецкомъ народномъ училищѣ и Кіевской академіи (2);

---

(1) Не можемъ безъ чувства особенной признательности вспомнить о той готовности, съ которою Н. К. Калайдовичь, столь рано окончившій жизнь свою, сообщалъ намъ любопытныя свѣдѣнія объ родителѣ, при составленіи настоящаго очерка. Прочія, и важнѣйшія, бумаги Константина Ѳедоровича сохранились большею частію у М. П. Погодина, которому мы обязаны болѣе всего подробностями.—Прим. 1860 г.

(2) По послужному списку.

1799 года, 9 Сентября, опредѣленъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ, и, обучавшись въ ней на своемъ коштѣ, послѣ публичнаго испытанія, поступилъ въ студенты, 1807 года, Іюля 2. Еще до того, будучи ребенкомъ, отличался уже онъ любовью къ занятіямъ, съ отличительнымъ характеромъ особенной аккуратности и привязанностью къ замѣткамъ, запискамъ: свойства, развившіяся столь блистательно въ послѣдующемъ археологѣ и филологѣ. Такъ, напримѣръ, онъ велъ забавный дѣтскій журналъ: «Мая 7. Курица яйцо снесла. Купилъ монету царя Михайла Ѳедоровича. Была гроза. Къ обѣду пришла бабушка» (1). Отецъ просматривалъ оригинальные опыты такого рода, смѣялся, но къ счастію не препятствовалъ продолжать. Переѣхавъ на службу въ Москву, онъ не выпускалъ сына изъ-подъ своего надзора въ тѣхъ лѣтахъ, когда это наиболѣе нужно, и даже въ послѣдующее время, когда это неизлишне и полезно. Не узнавъ сихъ особенностей, мы не поймемъ многаго въ послѣдующей жизни Константина Ѳедоровича: семейныя отношенія, въ которыхъ былъ онъ воспитанъ, держались на такихъ основаніяхъ и въ такой связи, какъ рѣдко уже встрѣтишь въ наше время. Простота ихъ, сопровождаемая внѣшними условіями умѣреннаго быта и средняго класса гражданъ, доходила если не до суровости, то до самой крайней строгости; строгостью поддерживались въ точности всѣ обязанности, а удовлетвореніе имъ, совершаемое съ искреннимъ сознаніемъ высоты ихъ, приводило за собою довольство духа, какую-то степенность, какую-то важность, отчасти даже напряженность, во всѣхъ отношеніяхъ, гражданскихъ и общественныхъ: характеръ, для насъ уже нѣсколько устарѣлый, архаистическій; но, разумѣется, мы не считаемъ себя въ правѣ подновлять его на свой ладъ или сглаживать въ біографіи, а потому читатель замѣтитъ его на каждомъ шагу. При такомъ свойствѣ, религіозность воспитанія не породила однако же узкаго аскетизма, строгость не стѣснила свободы выбора и разнообразія направленій въ послѣдующей жизнедѣятельности, ни даже того пылкаго и стремительнаго характера, который отличалъ всегда Константина Ѳедоровича, и, послѣ выдержки семейной школы, не находилъ себѣ противорѣчія въ суровой строгости антикварныхъ занятій. Послѣдствія

(1) Подобными драгоцѣнными подробностями дѣтскихъ лѣтъ К—ча мы обязаны запискѣ одного его сверстника и сотоварища

воспитанія мы увидимъ тотчасъ же, еще на студенческомъ поприщѣ. Прежде всего, раздѣляя общее направленіе вѣка, студентъ, какъ ни былъ молодъ, хотѣлъ уже быть литераторомъ: вмѣстѣ съ старшимъ братомъ и сотоварищемъ, Петромъ Ѳедоровичемъ, онъ занимался стихотворствомъ и издавалъ въ рукописныхъ брошюркахъ журналъ—*Русская Муза*; въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, листочки раздавались товарищамъ, съ девизомъ, напоминающимъ Жуковскаго: « *для немногихъ* ». Существовалъ и общій сборникъ студенческихъ произведеній: это былъ альманахъ, издававшійся въ 1807 году подъ редакціей сотоварища, Козьмы Ѳедоровича Андреева, *Весенній Цвѣтокъ*; оба брата принимали въ немъ дѣятельное участіе. Наконецъ, въ 1808 году, отважились явиться въ публику: по подпискѣ положили выпускать « *Русскій Критикъ* », съ эпиграфомъ: « *quod mordet, sanat* »; изъ типографіи Любія, вышелъ впрочемъ, одинъ только листъ. Въ томъ же году изданы были: « *Плоды трудовъ моихъ, или сочиненія и переводы К. Калайдовича*. М., въ тип. Рѣшетникова (8) ». За общимъ образованіемъ и духомъ эпохи, выказывались между тѣмъ и личныя, оригинальныя направленія: это была страсть останавливаться передъ всякимъ достопримѣчательнымъ предметомъ, съ цѣлію сдѣлать аккуратное его описаніе или внести въ коллекцію, были ли то ископаемое, растеніе или насѣкомое, старинная книга и деньга, или надгробный памятникъ. Такимъ образомъ, въ самое уже первое время, было у Калайдовича собраніе замѣчательныхъ книгъ и монетъ. Но сначала брали перевѣсъ науки естественныя: онъ изучалъ минералогію, бродилъ по берегамъ Москвы рѣки, чтобы собирать разсѣянныя въ обиліи окаменѣлости, составилъ гербарій и, вмѣстѣ съ братомъ, зоологическій кабинетъ, въ картонномъ большомъ ящикѣ собственной работы, подъ названіемъ: « Collectio insectorum prouinciae Mosquensis ». Занятія были столь замѣтны университету, что знаменитый профессоръ Фишеръ взялъ съ собою молодаго человѣка въ ученое путешествіе по Московской губерніи, памятное открытіемъ, кажется, лабрадора и ратовкита. Впослѣдствіи другія дѣла заслонили, но не истребили прежнюю привязанность, и отголоски ея мы встрѣчаемъ порою среди археологическихъ изысканій. По окончаніи студенческихъ занятій (1), степень кан-

(1) Онъ слушалъ въ теченіе трехъ лѣтъ лекціи: языковъ—Латинскаго, Греческаго,

дидата, данная Калайдовичу 1810 года, Мая 27, «за отличное прилежаніе и таковые же успѣхи», доказываетъ, что всѣмъ преподававшимся наукамъ удѣлялъ онъ должное вниманіе. Говорятъ, что слабѣе прочаго былъ онъ въ наукахъ математическихъ и въ изученіи языковъ иностранныхъ; первое несомнѣнно, второе подтверждается крайнею бѣдностію иностранной библіотеки, оставшейся послѣ покойнаго: въ ней находимъ мы большею частію только изданія Общества Испытателей природы и каталоги знаменитыхъ библіотекъ; Латинскій реперторій, чуждый совершенно классиковъ, содержитъ только учебныя пособія, описанія монетъ и изданія университета; изъ Греческихъ книгъ Экономидъ, и т. п. Живое доказательство того, какъ, съ одной стороны, не любя математики, можно развить свой умъ до величайшей точности изысканій, а съ другой, не владѣя языками и не изучая въ первыхъ лѣтахъ множества граматикъ, образовать впослѣдствіи истинно-филологическій складъ дѣятельности: изданія Константина Ѳедоровича представляютъ намъ образцы филологическихъ изданій Славянскихъ, тѣмъ болѣе насъ удивляющихъ, что первоначально мы не видимъ въ Калайдовичѣ записнаго филолога, не знаемъ ему указателя и предшественника на избранномъ поприщѣ, наконецъ, не предполагаемъ метода, воспитаннаго древними классиками. Издателю предстояло каждый разъ бороться со внѣшнею стороною языка и удавалось выходить изъ борьбы побѣдителемъ, не столько въ слѣдствіе необычайной точности, сколько въ силу особаго внутренняго такта, страстной любви и энергическаго стремленія къ отысканію и объясненію каждаго положительнаго факта исторіи политической, археологической, палеографической. Языкознаніе началъ онъ изученіемъ языка Польскаго, а въ дальнѣйшемъ поступаніи, преодолѣвая филологическія трудности отличнымъ запасомъ разнообразныхъ историческихъ свѣдѣній, въ половинѣ, а еще болѣе въ концѣ поприща, былъ уже однимъ изъ первыхъ знатоковъ древле-Славянскаго и Русскаго языка; то есть, онъ не запасся филологическими средствами однажды, чтобы потомъ принаравливать: онъ запасался постепенно учась, а изученіе ведя объ руку со всѣми по-

---

Французскаго, Россійской исторіи, всеобщей исторіи и хронологіи, краснорѣчія и поэзіи, статистики, умозрительной философіи, теоріи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, политической экономіи, антропологіи, натуральной исторіи и сельскаго домоводства, технологіи, геометріи, тригонометріи, алгебры.

собіями филологіи, реальными ея науками, познаніемъ существенной души ея — исторіи. Послѣ университета, общественное признаніе тотчасъ указываетъ намъ на тѣ стороны свѣдѣній, въ которыхъ Калайдовичъ особенно отличался и показалъ дарованія: въ засѣданіи 25 Ноября, 1810 года, Московское Общество Испытателей природы, подъ предсѣдательствомъ графа А. Разумовскаго и директорствомъ Фишера, признало его своимъ членомъ (въ 1809 году онъ сопутствовалъ славному ученому); то же самое послѣдовало 1811 года, Сентября 19, со стороны Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ П. П. Бекетова, какъ знакъ оцѣнки его «отличной любви и ревности къ отечественной исторіи». Сотрудникомъ въ Московскомъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности былъ онъ съ 14 Ноября 1811 года, и тогда же представилъ сюда «*Собраніе рѣчей, читанныхъ при торжественныхъ случаяхъ въ Московскомъ университетѣ, по списку съ 1755 по 1799 годъ*». Чтобы не прерывать нить дальнѣйшаго изложенія, мы скажемъ здѣсь о содѣйствіи Калайдовича первому и третьему изъ упомянутыхъ обществъ. Удѣляя любопытство свое встрѣчавшимся или обнародованнымъ открытіямъ естественныхъ наукъ, онъ не принималъ, однако, дѣятельнаго въ нихъ участія со времени выхода изъ университета и обратился преимущественно къ занятіямъ историческимъ; тѣмъ не менѣе, Общество Естествоиспытателей, въ собраніи 26 Октября, 1825 года, признало его своимъ ординарнымъ членомъ. Что касается до Любителей Россійской Словесности, то 1817 года, Іюня 6, онъ прислалъ въ ихъ Общество, за подписью *неизвѣстнаго*, «*Опытъ рѣшенія вопроса*, предложеннаго въ Общ. Л. Р. Слов., о томъ: на какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоря: на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, или на какомъ-нибудь областномъ нарѣчіи»? Вопросъ этотъ, надъ которымъ напрасно такъ смѣялся Граматинъ въ своемъ изданіи Слова о П. И., рѣшенъ былъ Калайдовичемъ, по времени, весьма замѣчательнымъ образомъ (1). Вслѣдъ за тѣмъ, въ засѣ-

(1) Сущность статьи его, помѣщенной въ XI части «Трудовъ» 1818 года, состоитъ въ слѣдующемъ: «1) что Пѣснь Игорева писана не на томъ Славянскомъ языкѣ, который существовалъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, не на какомъ-либо древнемъ областномъ нарѣчіи, или нынѣ употребляемомъ; но сочинена Славянорус-

данiи Общества 1818 года, Октября 26, поручено Калайдовичу обработать букву З, для предполагавшагося Русскаго Словаря. Подобнымъ образомъ, впослѣдствiи, просматривалъ онъ словарь областныхъ словъ Макарова, напримѣръ прочелъ и исправилъ букву *Б*. Въ чрезвычайномъ собранiи Мая 23, 1823 года, какъ дѣйствительный членъ, принялъ онъ на себя *филологическое и критическое изслѣдованiе Русскихъ стихотворцевъ до Ломоносова*. Наконецъ, «Сочиненiя въ прозѣ и стихахъ, Тр. О. Л. Р. Сл.» украшены были его статьями: «*О Бѣлорусскомъ нарѣчiи*», «*О древнемъ церковномъ языкѣ*», «*О времени перевода нашей Библiи*». Соревнуя Москвѣ, и С.-Петербургское Вольное Общество Любителей Россiйской Словесности, въ 1822 году, пріобрѣло себѣ въ немъ члена-корреспондента. — Гораздо болѣе, однако, дѣятельность Константина Ѳедоровича посвящена была Московскому Обществу Исторiи и Древностей: это было естественнымъ слѣдствiемъ любимыхъ занятiй. Въ первые годы по выходѣ изъ университета, Калайдовичъ находилъ здѣсь важнѣйшiя средства для своихъ изысканiй и лучшее мѣсто для обнародованiя открытiй. Потому его собственной дѣятельности и дѣятельности Историческаго Общества нельзя раздѣлять никакимъ образомъ, и мы часто должны будемъ возвращаться къ ихъ взаимной связи. — Въ теченiе 1810-го, 11-го и 12-го годовъ обнародовано было Калайдовичемъ не много, а именно: «*Извѣстiе о древностяхъ Славянорусскихъ и объ Игнатiи Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ*. М., въ Унив. тип., 1811 (12)»; Января 4, 1812 г., въ засѣданiи Историческаго Общества читана статья: «*О смерти царя Ѳеодора Алексѣевича*»; положено было напечатать ее въ Трудахъ, но, по выпускѣ изъ типографiи, нѣкоторые члены удержали изданiе; наконецъ, въ Вѣстникѣ Европы, ч. 61, 1812 г.: «*Замѣчанiя и объясненiя двухъ грамотъ Новгородскихъ*».

скимъ языкомъ, *подобнымъ* библейскому и сходнымъ съ Русскими лѣтописями, грамотами и другими историческими памятниками; 2) что пiитическiй языкъ пѣсни Игоревой не вновь родился, но имѣлъ уже начало до ея появленiя; 3) что она сочинена, по всѣмъ вѣроятiямъ, въ нынѣшней Малороссiи, и 4) что нарѣчiе ея, изъ всѣхъ Славянскихъ, судя по нѣкоторымъ словамъ и рѣченiямъ, болѣе подходитъ къ языку Польскому». Доводы, которыми подкрѣпляются эти положенiя, не только обличаютъ въ самомъ авторѣ значительную начитанность въ древнихъ памятникахъ и остроумное по той эпохѣ соображенiе, но по основательности своей достойны вниманiя даже и въ настоящее время.

Нельзя, впрочемъ, думать, что это время проведено безъ дѣятельности: въ теченіе его археологъ запасался свѣдѣніями, и конечно съ большими усиліями, ибо въ 1814 году онъ вдругъ является передъ нами въ полномъ уже всеоружіи приготовительныхъ свѣдѣній и даже глубокихъ знаній. Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о характерѣ его занятій. Признавая за Калайдовичемъ необыкновенную точность знанія, совершенно отвѣчающую требованіямъ любимѣйшихъ его предметовъ—Русской археологіи, библіографіи и въ частности палеографіи, убѣждаясь въ основательности его показаній, въ силу которой почти ни одно изъ нихъ не было подорвано послѣдующими изслѣдованіями, и всѣ вмѣстѣ составляютъ одно неразрывное и стройное цѣлое,—находятъ обыкновенно упрекъ для его дѣятельности въ недостаткѣ остроумія и быстроты соображенія, клоня все это къ снисходительному отзыву, столь любимому у насъ, о неоспоримомъ трудолюбіи, но отсутствіи даровитости. Желательно было бы, чтобы люди эти разсматривали открытія Калайдовича не порознь, а всѣ вмѣстѣ: тогда увидали бы они огромную сумму положительныхъ фактовъ, стоящихъ между собою въ такой связи и послѣдовательности выводовъ, которая доселѣ возможна только еще при изученіи внѣшней природы, въ наукахъ естественныхъ. И если для исторіи всегда будетъ одною изъ вожделѣнныхъ(хотя и не единственныхъ) цѣлей—приближеніе къ ясности и положительности современныхъ наукъ о природѣ внѣшней, то,конечно, дѣятельность Калайдовича, показавшая намъ въ извѣстной мѣрѣ возможность подобнаго успѣха, будетъ выражать собою не только даровитость, но даже въ извѣстной мѣрѣ геніальность. Тогда мы будемъ судить объ учености по методу естествоиспытателей; въ массѣ плодотворнѣйшихъ разысканій и открытій, едва вмѣстимыхъ въ двадцать лѣтъ человѣческой жизни (1810—1832), увидимъ величайшую быстроту умственной дѣятельности; остроуміемъ же ученаго будемъ называть не блестящія вспышки отвлеченныхъ идей. а способность отъискивать неизвѣстныя дотолѣ дороги къ открытію, объясненію, различенію, опредѣленію и соотношенію положительныхъ фактовъ; геніальность будемъ усматривать не въ томъ напорѣ мыслей, который иногда ложною своей энергіей скрываетъ недостатокъ прочной основы и опоры, а въ тѣхъ плодотворныхъ началахъ разума, которыя въ глубинѣ и за поверхностію фактическихъ выводовъ живутъ скрытою жизнію внутренняго согрѣвающаго огня, подобно гражданамъ

благоустроеннаго общества, не выдающимся угловатыми поступками, но созидающимъ истинное его благо.

Занятія находили практическое приложеніе въ службѣ. Отъ самого выхода изъ университета, въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ, что приходится въ 1810, 1811 и 1812 годахъ, обучалъ онъ, въ Университетской академической гимназіи, Россійской исторіи и географіи по собственному желанію, безъ жалованья, и въ то же время училъ тѣмъ же предметамъ въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ; кромѣ того, въ 1811 году и до половины 1812-го, въ теченіе полутора года, читалъ, по назначенію университетскаго совѣта, лекціи Россійской исторіи для чиновниковъ, обязанныхъ гражданскою службою (1).

Іюля 30, 1812 года, объявленъ былъ указъ объ ополченіи. Не до мирныхъ уже было занятій: оставивъ на время университетскую службу, Калайдовичъ явился съ готовностію ратовать за отечество, принятъ, и изъ государственныхъ чиновниковъ 12-го класса переименованъ въ подпоручики. Какія чувства одушевляли его въ это время и какъ связывались они съ любимыми занятіями жизни, всего лучше увидимъ изъ слѣдующаго письма, отправленнаго къ С. Н. Глинкѣ, когда послѣдній собиралъ воспоминанія и матеріалы о двѣнадцатомъ годѣ: «Милостивый государь Сергѣй Николаевичъ! Почтеннѣйшимъ письмомъ вашимъ ко мнѣ, отъ 15 Ноября текущаго года, вамъ угодно требовать отъ меня объясненія на то, что мнѣ извѣстно по моимъ сношеніямъ съ вами въ 1812 году. Съ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе, повторяя теперь на бумагѣ тѣ же чувства искренней къ вамъ признательности, которыя остались во мнѣ неизмѣнными съ того славнаго для Россіи времени, когда святая любовь къ престолу и отечеству, согрѣвавшая душу, сблизила меня съ вами, съ вами, котораго еще съ юныхъ лѣтъ я привыкъ почитать какъ достойнаго нашего писателя, а еще болѣе какъ патріота и человѣка добродѣтельнаго.—Еще до 1812 года, не имѣя отъ роду 20 лѣтъ, я былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ тѣхъ поръ я часто бесѣдовалъ съ своимъ наставникомъ, несравненнымъ профессоромъ Романомъ Ѳедоровичемъ Тимковскимъ; не разъ повторялъ съ нимъ оныя достопамятныя слова Залевковыхъ законовъ: «„да не возлю-

(1) Аттестатъ и послужной списокъ.

бигъ никто чужаго града болѣе своего отечества, и да не подвергнется чрезъ то гнѣву отечественныхъ боговъ; такое помышленіе есть уже начало измѣны »». Съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, для меня въ то время еще непонятнымъ, читалъ вашъ Русскій Вѣстникъ: *я тогда учился исторической критикѣ у великаго Шлецера въ его Несторѣ, а у васъ—святой любви къ отечеству.* Еще много, много я обязанъ и тогдашнему достопочтенному нашему предсѣдателю, Платону Петровичу Бекетову; несравненно болѣе—исторіографу Карамзину. Онъ тогда жилъ въ Москвѣ и писалъ Исторію отечества. Я часто ходилъ къ нему: онъ меня любилъ; всегда укрѣплялъ на томъ пути, на который я не смѣлъ и не могъ еще стать прочною ногою. Полный любовію къ славѣ Россіи, вопрошатель и судія давно почившихъ, окрылялъ онъ мою душу святымъ восторгомъ и къ пылу юности приливалъ огня божественнаго. О время незабвенное! О воспоминанія сладостныя! Вы не умрете и тогда во мнѣ, когда маніемъ Промысла, по общему закону для земнородныхъ, я совлекусь мертвенной оболочки.—Въ 1811 и 1812 годахъ я училъ Россійской исторіи въ Благородномъ пансіонѣ и въ Университетской гимназіи; въ самомъ университетѣ читалъ лекціи Россійской исторіи для чиновниковъ, гражданскою службою обязанныхъ, и занимался изданіемъ Русскихъ Достопамятностей, въ то время, когда престолу и отечеству угрожало бѣдствіе неимовѣрное. Я не могъ быть зрителемъ равнодушнымъ. Чтеніе высочайшихъ манифестовъ, реляцій дѣйствующихъ армій, *восклицанія патріотовъ, въ томъ числѣ и ваши*, зрѣлища историческія, все это, соединившись вмѣстѣ, въ одно и то же время, уже *рѣшило мое намѣреніе.* — Въ Іюлѣ, какъ ангелъ утѣшитель, явился царелюбивой Москвѣ Александръ Благословенный. Монархъ былъ во дворцѣ. Молебное пѣніе за спасеніе престола и отечества, колѣнопреклоненія тысячи вѣрныхъ подданныхъ, великодушные порывы пожертвованій, приносимыхъ въ жертву отечеству дворянствомъ доблественнымъ и купечествомъ именитымъ, и неоцѣненныя слезы ангела кротости, залогъ его теплой любви къ подданнымъ,— все это воспламенило меня до сладостной готовности умереть за царя и отечество. *Во дворцѣ я васъ видѣлъ и слышалъ ваши призывы къ ополченію за вѣру, царя и отечество.*—Я записался подпоручикомъ въ Московскую Военную Силу, изъявивъ желаніе служить до окончанія священной брани внутри имперіи. *На утрен-*

ней зарь 13 Іюля вы меня посѣтили въ принадлежавшемъ покойному моему родителю домѣ... Вы мнѣ предлагали тогда въ пособіе деньги и сукно; я отказался отъ первыхъ и взялъ послѣднее. Сукномъ вы надѣлили и двухъ моихъ товарищей.—Карамзинъ въ это время жилъ въ 30 верстахъ отъ столицы, въ селѣ кн. Вяземскаго, Астафьевѣ. Я нетерпѣливо желалъ его видѣть до моего отъѣзда въ армію. На лицѣ его я прочелъ нѣкоторое уныніе, соединенное съ надеждою несомнѣнною. Исторіографъ унялъ меня на цѣлый день; прощаясь со мною заплакалъ и сказалъ: *если бы я имѣлъ взрослаго сына, въ это время ничего не могъ бы пожелать ему лучшаго*».

Съ этого времени въ жизни Константина Ѳедоровича вступаетъ эпизодомъ особенная эпоха, продолжавшаяся въ теченіе года, до Іюля 1813.

—

Августа 2, 1812 года, явился онъ въ 5-й пѣшій козачій полкъ Московской Военной Силы, состоявшій подъ командою подполковника Кропотова 1, подъ начальствомъ шефа графа Санти, и во время формированія находился въ Коломнѣ. Здѣсь получилъ Калайдовичъ нѣсколько писемъ отъ отца, молитвою и родительскимъ благословеніемъ поддержпвавшаго геройскую рѣшимость сына: «Мужайся, пишетъ онъ, и да крѣпится сердце твое о Господѣ (отъ Авг. 9)!» «Помни заповѣди Господни и будешъ сохраненъ Имъ во всѣхъ путехъ твоихъ (отъ Авг. 16)!» Какъ подпоручикъ, получилъ Калайдовичъ въ распоряженіе 1-го баталіона 2-ю сотню, съ прикомандированными двумя офицерами, и въ короткое время пріобрѣлъ любовь подчиненныхъ, о чемъ часто упоминаетъ въ письмахъ: « Они знали меня, я самъ хорошо зналъ ихъ, служилъ для нихъ съ усердіемъ.» Въ половинѣ Августа выступили въ походъ; путь былъ на Подольскъ; отъ Подольска поворотили къ Вереѣ, дабы форсированнымъ маршемъ скорѣе поспѣть къ Можайску. Подъ нимъ начинались уже военныя дѣйствія, слышенъ былъ пушечный громъ; съ разсвѣтомъ пришли къ Бородину, чтобы быть свидѣтелями событій того дня, который Французы называли днемъ суда Господня. Армія ретировалась, ополченіе было разкассировано подъ Москвою по полкамъ, и Калайдовичъ съ своею сотнею достался Нижегородскому пѣхотному полку, 26-й дивизіи генерала Паскевича, 7-го корпуса

генералъ-лейтенанта Раевскаго, 2-й западной арміи князя Багратіона. О службѣ этого рода онъ не имѣлъ, конечно, никакого понятія; нужно было привыкать. Но вотъ подступили къ Москвѣ. «Я выпросился, пишетъ онъ, ѣхать впередъ. При въѣздѣ въ заставу, страшное уныніе овладѣло мною: я не въ силахъ былъ и не имѣлъ твердости заѣхать къ вашему дому, дражайшіе родители!.. Поѣхалъ, самъ не зная куда. Улицы были пусты, кой-гдѣ видны были люди... Страшная туча висѣла и волновалась надъ городомъ, предвѣщая близкую погибель. Въ это время я ѣхалъ въ задумчивости по Калужской дорогѣ; вдругъ раздался крикъ: Французы, Французы! Я опрометью поскакалъ въ Коломенскую заставу, въ которую пошла наша армія. Десница Вышняго спасла меня! Одна минута—и я бы погибъ!—Съ четверть перехода отошедши, мы остановились. Вся Москва была въ виду. Начинало уже смеркаться; черная туча легла надъ городомъ. Вдругъ изъ сумрака надъ самымъ Кремлемъ взвилась ракета, залпъ пушечный сопровождалъ ее, и нещастная Москва во многихъ мѣстахъ воспылала. Сердце у насъ замерло и кровь въ жилахъ охладѣла; я въ жизнь мою не чувствовалъ такого изступленія... Мы, подобно нещастнымъ Израильтянамъ, горько плакали, видя разрушеніе своего Іерусалима... Въ продолженіе двухъ плачевнѣйшихъ недѣль, когда отчаяніе соединясь съ поношеніемъ, голодъ съ безмѣрною усталостію, грызли наше сердце, солнце не смѣло показать лучей своихъ, отвращая взоръ свой отъ насъ нещастныхъ. Пробуждаясь въ два часа ночи съ грохотомъ барабана, мы бѣжали, сами не зная куда, дѣлая въ день отъ 40 до 60 верстъ... Ахъ, чего стоили мнѣ слякоть, дожди и морозы! Два раза силы меня совершенно оставляли, два раза я былъ близокъ къ смерти, но Промыслъ Вышній явно хранилъ меня.» Спустя нѣсколько дней, взяли на Калужскую дорогу и нѣсколько разъ приготовлялись дать сраженіе, но по новой тактикѣ непріятель не шелъ на батареи, а пробирался стороною лѣсами. Подъ селеніемъ Чириковымъ, Сентября 17, завязалось небольшое дѣло: въ немъ участвовалъ Калайдовичъ съ 3-ю гренадерскою ротою, въ стрѣлкахъ; защищали переправу при одной рѣчкѣ, два дни лежали въ кустахъ, на третій въ первый разъ случилось ему слышать свистъ пуль мимо ушей своихъ. Вслѣдъ за тѣмъ начали подвигаться къ Тарутину, ожидая вѣстей изъ Петербурга, куда отправился князь Волконскій. По назначенію 18-го Сентября, всѣ, непожелавшіе остаться въ арміи, переведены были въ

ополченіе: въ селѣ Вороновѣ, Константинъ Ѳедоровичъ перешелъ снова въ 8-й пѣшій козачій полкъ, причисленный къ 7 корпусу г.-л. Раевскаго, подъ командою А. А. Чилищева. Тарутинскіе биваки дали возможность нѣсколько времени отдохнуть и поправить здоровье. Октября 6, его сотня, 2-го баталіона 4-я, ходила съ прапорщикомъ въ ночную экспедицію противъ Неаполитанскаго короля; самъ же офицеръ успѣлъ сдѣлать пріобрѣтеніе, о которомъ узнаемъ изъ слѣдующей бумаги, поданной впослѣдствіи (отъ Августа 1, 1813 года) графу Ростопчину: «Въ ночной Тарутинской экспедиціи имѣлъ я случай захватить нѣсколько бумагъ, подписанныхъ Наполеономъ, и въ селѣ Крюковѣ при Красномъ отбить у шатавшихся непріятельскихъ партій *ветхое знамя* бывшей Малороссійской фузелерной роты. Поднося бумаги и знамя вашему сіятельству,» и проч. Подвигаясь далѣе за Тарутино, къ Малоярославецкому дѣлу пришли они уже ночью; городъ былъ зажженъ и съ обѣихъ сторонъ шла сильная канонада: это было *дѣйствительное сраженіе*, въ которомъ участвовалъ Калайдовичъ; замѣтка о немъ украсила послужной списокъ ученаго. На другой день едва ихъ не отрѣзали; разставшись съ обозомъ, всѣ оборвались и терпѣли тяжкую нужду; стремительно преслѣдуя бѣгущаго безъ памяти непріятеля, были свидѣтелями ужаснѣйшихъ явленій. Ноября 11, на ночлегѣ, въ деревнѣ Морозовѣ, командиръ ихъ, подполковникъ Сафоновъ, получилъ приказъ идти съ своимъ полкомъ въ городъ Оршу и исправлять тамъ должность коменданта. Того же дня, поздно вечеромъ, прибыли они «въ мѣсто плача и сѣтованія, въ нещастнѣйшую Оршу,» какъ обыкновенно выражался Калайдовичъ. Одна сторона города была выжжена, заднѣпровская еще дымилась; множество изнуренныхъ и полумертвыхъ непріятелей бродило по немъ; улицы и переулки завалены были трупами и лошадями: въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, мучительная болѣзнь похитила болѣе 600 воиновъ: «Я самъ, пишетъ онъ, опасался ужасной участи и подалъ сильный голосъ къ возможнымъ предосторожностямъ; слова мои, къ счастію, подѣйствовали и зараза примѣтно притупляла убійственное жало.» Тѣмъ не менѣе, въ свою очередь, пролежалъ онъ цѣлый мѣсяцъ и даже при наступленіи лѣта все еще чувствовалъ себя не очень здоровымъ. Вообще нужно сказать, этотъ тяжелый годъ, послѣдующія разстройства и напряженныя занятія убили навсегда здоровье Калайдовича, и мы не встрѣчаемъ съ тѣхъ поръ почти ни одного года, въ который не вы-

терпѣлъ бы онъ двухъ, трехъ болѣзней, при постоянной притомъ слабости здоровья. Что касается опять до Орши, къ веснѣ сожжено и зарыто въ ней было до 10,000 труповъ скотины и людей: изъ этого легко понять, какое представляла она зрѣлище. Въ добавокъ, во все время пребыванія тамъ, не получаемо было жалованье, а о пансіонскомъ, разумѣется, напрасно хлопоталъ Калайдовичъ въ письмахъ. «Небольшой городокъ, пишетъ онъ, непохожій на себя отъ рукъ Французскихъ, благочестивый по наружности и безбожный въ сердцѣ своемъ, не могъ мнѣ доставлять никакихъ прелестей. Товарищество меня томило и ихъ армейскіе вечера оставляли въ сердцѣ моемъ пустоту и унынie. Дружество мое съ однимъ изъ почтенныхъ тамошнихъ стихотворцевъ, Мореловскимъ (1), приносило сердцу моему, стѣсненному скорбію, нѣкоторую отраду. Общее наше состояніе, отъ недостатковъ необходимаго для поддержанія жизни, дѣлалось ужаснымъ». Въ довершеніе всего, со времени пребыванія въ Коломнѣ, въ теченіе шести мѣсяцевъ, не получалъ онъ писемъ отъ домашнихъ, безпокоясь притомъ о судьбѣ своихъ книгъ, особенно взятыхъ изъ Синодальной библіотеки. При нашествіи непріятеля, отецъ его, Ѳедоръ Дмитріевичъ, служившій въ Москвѣ при Благородномъ пансіонѣ и имѣвшій свой собственный домъ, въ торопяхъ отправился во Владиміръ, гдѣ въ гимназіи служилъ учителемъ старшій сынъ его Ѳедоръ Ѳедоровичъ (2). Узнавши о занятіи Москвы, отправился онъ далѣе въ Казань, съ женою и сыновьями Петромъ, Иваномъ и Александромъ, изъ которыхъ два послѣднихъ были еще не велики, а первый служилъ учителемъ при Московскихъ институтахъ. Здѣсь, не находя другихъ средствъ содержать семейство, подалъ онъ въ Казанскій университетъ прошеніе, о дозволеніи преподавать въ немъ «на Россійскомъ языкѣ медицинскія лекціи», и, служа адъюнктомъ, издалъ въ 1813 году сочиненіе «*О сохраненіи здравія или краткія правила гигіены* (изд. ад.-проф. Ѳ. К—чемъ, Казань, in 8).» Впослѣдствіи, когда все уже успокоилось, переѣхалъ онъ снова въ Москву на прежнюю

(1) Іосифомъ; съ нимъ послѣ сохранилъ онъ переписку.

(2) Потерявши мѣсто въ 1816 году, Ѳ. Ѳ. переѣхалъ въ Москву, служилъ секретаремъ въ коммиссіи строеній, и, съ чиномъ кол. ассесора оставивъ службу въ 1820 году, поступилъ потомъ въ управляющіе вотчинами генерала Ст. Ст. Апраксина, во Влад. губ. Впослѣдствіи снова принялъ службу во Владимірской гимназіи и умеръ въ Москвѣ.

службу. Послѣ смутныхъ обстоятельствъ, Константинъ Ѳедоровичъ только черезъ полгода получилъ снова родительскія строки. Одно изъ этихъ писемъ, присланныхъ въ Оршу изъ Казани отъ Марта 17 (1813), замѣчательно. Отецъ извѣщаетъ, что лишился всего, что домъ со всѣмъ имѣніемъ сгорѣлъ въ Москвѣ; сгорѣли и книги нашего ученаго, составлявшія его первоначально собранную библіотеку, о которой извѣщали въ тогдашнихъ журналахъ (С. Отеч.), какъ «о библіотекѣ рѣдкихъ историческихъ книгъ и рукописей (1).» Не лишнимъ считаемъ здѣсь прибавить, что пожаръ, кромѣ книгъ, уничтожилъ и минералогическое собраніе (о чемъ упоминается въ одномъ письмѣ отъ 30 Іюля, 1813 года). Въ утѣшеніе отецъ прибавляетъ, что по крайней мѣрѣ въ Синодальную библіотеку книги были возвращены въ сохранности. Но главное утѣшеніе содержалось въ словахъ, заключавшихъ письмо: «Совѣтую тебѣ не сѣтовать и не вдаваться въ печаль; хотя ты и потерялъ имѣніе, но по молодости твоей долженъ съ терпѣніемъ потерю свою переносить... Ежели Богу угодно, Которому со благоговѣніемъ всегда угождай, то Онъ все тебѣ возвратитъ и сторицею преумножитъ... Ежели находишь себя способнымъ къ ученой должности, то, по окончаніи, можешь опять возвратиться въ Московскій университетъ. Молися прилежнѣе Богу, да благоуспѣшитъ тебѣ въ твоихъ предпріятіяхъ.» «Съ сердечнымъ умиленіемъ, отвѣчаетъ сынъ, внималъ я христіанскому вашему утѣшенію (отъ 18 Апрѣля).» Оставалось искать еще отрады въ усиленной дѣятельности: дѣйствительно, кромѣ обыкновенной службы своей, Калайдовичъ въ это время ѣздилъ курьеромъ въ Вильно, Витебскъ и Минскъ, управлялъ гошпиталемъ, былъ депутатомъ по слѣдственнымъ дѣламъ, исправлялъ должность плацъ-адъютанта и наконецъ издавалъ даже газеты съ извѣстіями о новостяхъ и проѣзжающихъ (на Оршу было шесть трактовъ). Разумѣется, при всѣхъ этихъ дѣлахъ, мысли его невольно устремлялись въ любимую сторону, о которой съ нетерпѣніемъ распрашиваетъ онъ во всѣхъ своихъ письмахъ, интересуясь въ особенности судьбою ученыхъ со-

(1) Осталось немного, тѣмъ болѣе любопытнаго для насъ, именно: Минералогія Севергина, Физика Бриссона, Ручной дорожникъ, Словарь географическій Россійскаго государства, Описаніе древняго Россійскаго музея; нѣсколько другихъ книгъ сохранилось у М. Гаврилова, Карамзина («Историческое изображеніе Грузіи»), Лесліевскаго, барона Фитингофа, Р. Ѳ. Тимковскаго и Болдырева. Обстоятельство это любопытно для насъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какія связи имѣлъ К. Ѳ. въ ту эпоху.

кровищъ и дѣятелей: «Скоро я воскликну, пишетъ онъ къ архимандриту Амвросію, вмѣстѣ съ поэтомъ: въ Москвѣ ль я наконецъ, со мною ли друзья? Но какая Москва представится глазамъ моимъ? Та ли, которую я оставилъ? Ахъ, почто чувства насъ не обманывали? Я и самъ съ охладѣлымъ сердцемъ былъ горестнымъ зрителемъ плачевнаго разрушенія, когда всепожирающее пламя объяло беззащитныя Московскія стѣны; я и самъ, подобно нещастному Израильтянину, горько плакалъ, видя разрушеніе своего Іерусалима... Подобно вамъ, и я непрестанно повторяю: человѣка не имамъ. Здѣсь... можно ли жить съ такими людьми, можно ли быть къ нимъ привязану? *Когда-то, послѣ всѣхъ бурь, любовь къ наукамъ, подобно магниту, соберетъ разсѣянныхъ любимцевъ своихъ?... Успѣли ли спасти Московскую патріаршую библіотеку и ризницу* (отъ Февр. 16, 1813)?» Въ другомъ письмѣ къ брату П. Ѳ.: «Какихъ почтенныхъ мужей лишился университетъ нашъ! Ты можетъ быть не знаешь еще о смерти Грузинова, скончавшагося подъ Вильною? Какія сокровища мы потеряли! богатый музеумъ и славныя библіотеки погибли невозвратно... А. А. пишетъ ко мнѣ, что вся ризница синодальная спасена (отъ 18 Апр., 1813).»— Наконецъ, 11 Іюня, 1813 года, полкъ ихъ выступилъ изъ Орши и, пробывъ въ походѣ мѣсяцъ, чрезъ Красной, Смоленскъ и Вязьму, встрѣчая на пути слѣды страшнаго опустошенія, прибылъ въ Москву Іюля 11. Здѣсь кончилась военная служба Калайдовича, о которой въ одномъ мѣстѣ писалъ онъ: «Моя награда—общій на голубой лентѣ знакъ и одно утѣшеніе, что я сдѣлалъ доброе дѣло, въ которомъ я никогда не буду раскаяваться.» По предварительномъ указѣ о распущеніи ополченія, Іюля 23, въ 1813 году, уволенъ онъ былъ, по прошенію, съ тремя аттестатами отъ полковъ и паспортомъ отъ главнокомандующаго, графа Моркова, изъ военной службы для вступленія въ прежнюю, въ которой продолжалъ числиться. За тѣмъ въ награду получилъ онъ: воинскую медаль за 1812 годъ, какъ подпоручикъ, Декабря 14, 1814 года; высочайшее благоволеніе и мундиръ ополченія, 1816 г., Дек. 7; медаль, данную за 1812 годъ дворянству, Ноября 18, 1819 года. Воспоминанія этого незабвеннаго года подвиговъ хотѣлъ онъ впослѣдствіи запечатлѣть особаго рода трудомъ, о которомъ узнаемъ изъ бумаги къ графу Моркову отъ 3 Января, 1817 года: «Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Имѣвъ особенное щастіе служить подъ вашимъ начальствомъ

въ незабвенную компанію 1812 года, не упускалъ я случая, чтобы только собрать свѣдѣнія касательно войны сей; особенное же вниманіе при семъ устремлено было на записки геройскихъ подвиговъ Московской Военной Силы, сражавшейся за свободу отечества подъ вашимъ начальствомъ. Теперь, по чудесномъ истребленіи врага съ лица земли Россійской, пылая тѣмъ же духомъ предать потомству невѣроятныя событія 1812 года, обращаюсь къ вамъ, с. гр., съ покорнѣйшею просьбою о дозволеніи мнѣ пользоваться бумагами Московскаго ополченія, для преднамѣреваемаго описанія... Я уже приготовилъ планъ сему сочиненію подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Дѣянія М. В. Силы, въ 1812 году, сражавшейся за свободу отечества подъ предводительствомъ главнокомандующаго графа И. И Моркова.*» Сочиненіе не явилось, но списки и бумаги по этому предмету сохранились послѣ покойнаго.

Теперь считаемъ нужнымъ кстати упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ возвращеніе Калайдовича въ Москву и объ устройствѣ на первый разъ его внѣшняго положенія.

Съ недовѣрчивостью и унынiемъ приближался онъ къ столицѣ, не зная, что его тамъ ожидаетъ, и зная о потерѣ убѣжища, равно какъ собранныхъ средствъ для занятій. По счастію, М. Тр. Каченовскій радушно принялъ его и предложилъ, до поправки дѣлъ, столъ и квартиру. Имущество состояло все въ одной рубашкѣ и военномъ мундирѣ. Между тѣмъ доходовъ не было никакихъ и онъ долженъ былъ чувствительно благодарить мать свою за присылку изъ Казани четырехъ рублей. Получивъ потомъ жалованье изъ ополченія, за 11 мѣсяцевъ 220 рублей, и неохотно «издерживая деньги, полученныя пóтомъ и трудами на поприщѣ военномъ (письмо отъ Августа),» онъ не имѣлъ больше ничего, ни откуда, ибо пансіонскаго жалованья не выдавали. Числился же въ прежней службѣ, со степенью кандидата и 12 классомъ государственныхъ чиновниковъ. Вступая теперь снова въ вѣдомство университета, представилъ онъ совѣту, отъ 7 Августа, слѣдующее прошеніе: «Въ бѣдственное для отечества время, внимая воззванію монарха, оставилъ я сіе святилище музъ, и въ славное, по истребленіи враговъ и возстановленіи прежняго благоденствія, снова возвращаюсь къ мирнымъ занятіямъ моимъ, когда служеніе мое на поприщѣ военномъ не столь отечеству полезно. Представляя сословію знаменитыхъ мужей аттестаты отъ пол-

ковъ и отставку, мнѣ данныя, покорнѣйше прошу: оставивъ съ оныхъ копіи для внесенія въ послужной списокъ, возвратить подлинники, и меня по прежнему причислить въ службу императорскаго Московскаго университета. Пріятно и утѣшительно послѣ бурь военныхъ наслаждаться спокойствіемъ въ сословіи толико знаменитомъ.» Прошеніе произвело благопріятное дѣйствіе: университетъ, будучи благодаренъ къ трудамъ Калайдовича, положилъ, не въ примѣръ другимъ, выдавать ему годовое магистерское жалованье. Между тѣмъ пріѣхалъ вскорѣ братъ Петръ Ѳедоровичъ и съ нимъ вмѣстѣ думали они искать магистерской степени по законному экзамену (слова изъ письма отъ Августа). Въ Ноябрѣ же (25 ч.) того самаго года, Константинъ Ѳедоровичъ прямо пишетъ къ брату во Владиміръ: «Въ университетѣ начались мои испытанія въ магистерской степени. Черезъ чинъ теперь нельзя перепрыгивать. Чрезъ два мѣсяца послѣ я могу получить и доктора.» Однако всѣ эти приготовленія не имѣли дѣйствительныхъ послѣдствій, и судьба избавила ученаго отъ приписки въ цѣхъ. Съ прежней степенью и въ прежнемъ классѣ, числился онъ въ вѣдомствѣ университета, даже въ то несчастное время, когда 1815-й и 1816-й годы удалили его со сцены дѣятельности ученой, пока, наконецъ, по прошенію не былъ уволенъ отъ университета, 8 Апрѣля, 1818 года.

—

Вступаемъ въ эпоху кипучей дѣятельности, счастливѣйшихъ и знаменитыхъ открытій, удачнѣйшихъ выводовъ и самыхъ ловкихъ соображеній, эпоху, ознаменованную всѣмъ характеромъ юности, не умѣвшей и не хотѣвшей сдерживать увлекательнаго порыва, и, послѣ напряженности, прерванную наконецъ достойнымъ сожалѣнія образомъ.

Говоря объ ученыхъ открытіяхъ Калайдовича и преимущественно объ открытіи древнихъ памятниковъ, не нужно никогда забывать двухъ важныхъ обстоятельствъ: 1) что открытія свои сообщалъ онъ не тотчасъ печатнымъ образомъ; описывая ихъ для себя со всею подробностію и возводя къ какой-либо стройной связи съ другими, или, даже къ объясненію цѣлой какой-либо эпохи, цѣлаго вѣка, онъ не спѣшилъ и только *при случаѣ* выдавалъ ихъ потомъ въ свѣтъ; 2) что содѣйствуя дѣятельно образованію извѣстныхъ частныхъ и общественныхъ книгохранилищъ, жертвованіемъ, покупкою или доставкою книгъ

и рукописей, осматривая подробно лучшія библіотеки и въ нихъ работая, наконецъ, имѣя постоянныя сношенія съ извѣстными знатоками древности и библіографами своего времени, онъ часто находилъ, отмѣчалъ и даже въ письмахъ описывалъ такія открытія, которыя сдѣлались извѣстны послѣ съ именемъ другихъ ученыхъ. Потому, опуская изъ виду *литературу* его открытій, то есть эпохи, когда они были объявлены всему свѣту, замѣтимъ, что эти эпохи не совпадаютъ съ *настоящимъ и истиннымъ временемъ* открытій, *для самого* Калайдовича и людей, съ нимъ связанныхъ сношеніями; что самъ онъ, по неутомимой дѣятельности стоя во главѣ современныхъ ему изыскателей древности, узнавалъ вещи гораздо ранѣе тѣхъ, которые стояли выше его на степени служебной и поручали ему то или другое дѣло. Присматриваясь внимательно, замѣчаемъ, что время большей части этихъ открытій приходится именно въ разбираемую нами эпоху и въ нѣсколько лѣтъ послѣдующихъ, то есть въ 1813-мъ, 14-мъ, а потомъ во второй половинѣ 16-го и до 20-го. Приведемъ одинъ разительный примѣръ: Іоаннъ Экзархъ изданъ въ 1824 году; объ изданіи его хлопочетъ Калайдовичъ съ 1816 года, а открываетъ его въ Синодальной библіотекѣ 19 Сентября 1813 года, то есть спустя только два мѣсяца по своемъ возвращеніи въ Москву изъ военнаго похода. Изъ болѣе мелкихъ, та же судьба съ открытіемъ приписки на Апостолѣ изъ Сл. о П. И. Подобныхъ случаевъ очень много, и будущему критику, если захочетъ онъ точности въ одной изъ точнѣйшихъ наукъ, археологіи, палеографіи и филологіи, предстоитъ не малое поле для разработки. Повторяемъ: въ разбираемую эпоху пылкой молодости положены были Калайдовичемъ всѣ главнѣйшія основанія къ послѣдующимъ работамъ, къ тѣмъ изданіямъ, которыя, въ своей законченности, достались на долю лѣтъ зрѣлыхъ; завязаны всѣ важнѣйшія сношенія, намѣчены пути и дороги. Это сейчасъ мы увидимъ, обозрѣвая вторую половину 1813-го, весь 1814-й и первое начало 1815-го года.

Средоточіемъ ученой дѣятельности, какъ прежде, такъ особенно въ это время, было Общество Исторіи и Древностей. Уже въ 1813-мъ году, отъ 25 Ноября, выхлопоталъ онъ отъ Общества, за подписью предсѣдателя, бумаги: въ Архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ о допущеніи въ двѣ подвѣдомственныя ему библіотеки, для обозрѣнія книгъ и рукописей; въ Синодальную контору касательно библіотекъ семинарской и лаврской, отъ которыхъ требовалъ онъ каталоговъ и нѣ-

которыхъ рукописей (въ библіотеку Синодальную имѣлъ онъ доступъ еще прежде того); сюда же касательно предписанія монастырямъ, ружнымъ и приходскимъ церквамъ, о допущеніи къ хранящимся историческимъ памятникамъ; въ ризницу и библіотеку Чудова монастыря, соборовъ, и т. д. Здѣсь кстати замѣтить, что не только въ Москвѣ, но и въ окрестностяхъ ея, какъ напримѣръ въ Звенигородѣ, Воскресенскѣ и Волоцкой округѣ, осмотрѣны были Калайдовичемъ древности и книгохранилища, во второе пятилѣтіе десятыхъ годовъ; въ мѣста же болѣе отдаленныя предпринимаемы были путешествія. И во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствовалъ Калайдовичъ отъ имени и для цѣлей Историческаго общества. Множество выписокъ и свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ на этомъ первоначальномъ пути, составили прочный капиталъ и сообщили автору ту свободу, съ какою разсуждалъ онъ о разнообразныхъ памятникахъ древности, а на вопросы другихъ ученыхъ или начальниковъ отвѣчалъ непринужденно и скоро. Наконецъ дѣятельность этого рода, въ началѣ 1815 года, превосходно заключилась изданіемъ въ свѣтъ 1-й части *Русскихъ Достопамятностей*, отпечатанныхъ Калайдовичемъ по порученію Общества.

Поставивши себя въ такомъ отношеніи къ послѣднему, и по требованіямъ самаго рода своихъ занятій, Константинъ Ѳедоровичъ долженъ былъ войти въ обширныя и разнообразныя сношенія съ лицами оффиціальными и частными. Переписка, выражавшая эти связи въ теченіе пятнадцати лѣтъ (1813—1828), представляетъ лѣтопись всего нашего роднаго просвѣщенія той эпохи, крайне интересную, но къ сожалѣнію не совсѣмъ доступную для печати въ наше время, когда большая часть дѣятелей еще въ живыхъ; потому, уклоняясь отъ ея разбора, мы укажемъ здѣсь только—во первыхъ на ея общій характеръ, во вторыхъ скажемъ нѣсколько словъ о сношеніяхъ съ тѣми лицами, которыя сошли уже съ поприща науки и жизни. Вообще нужно сказать, что не было почти человѣка, сколько-нибудь извѣстнаго въ ту пору знаніемъ или уваженіемъ отечественной исторіи, филологіи и древностей, съ кѣмъ бы не имѣлъ Калайдовичъ прямыхъ или посредственныхъ сношеній, не говоря уже о профессорахъ университета и Москвичахъ. Иные вели съ нимъ просто корреспонденцію о новостяхъ науки, другіе диспутировали, третьи мѣнялись совѣтами и порученіями. Съ иностранными учеными, интересовавшимися дѣломъ Калайдовича, преиму-

щественно Славянскими, пересылался онъ не прямо, а чаще черезъ посредство, особенно П. П. Кеппена. Всего же тѣснѣе были у него связи съ людьми, собиравшими древности и рѣдкости, были ли то рукописи, книги или монеты, всѣ три отдѣла, въ которыхъ Калайдовичъ былъ равно знатокомъ, или даже какія-нибудь другія достопримѣчательности, которымъ также успѣвалъ онъ удѣлять свое любопытство. Имѣя сношенія со всѣми продавцами такого рода до послѣдней торговки, зная вездѣ, гдѣ существуетъ или проявилась рѣдкость, Константинъ Ѳедоровичъ отличался однако тою особенностью, что почти ничего не пріобрѣталъ для себя, а доставлялъ находки въ казенныя или частныя хранилища, сообщая при этомъ отъ себя реэстры, каталоги, объясненія, оцѣнки. Укажемъ теперь на нѣкоторыя лица: 1) Н. М. Карамзинъ. Съ нимъ, какъ мы видѣли, связанъ былъ Калайдовичъ тѣснѣйшими узами пріязни и даже въ слогѣ своемъ понесъ первоначально нѣкоторое вліяніе историографа. Уже съ первыхъ томовъ Исторіи Г. Р., онъ принималъ въ ея составѣ дѣятельное участіе, на сколько это касалось разныхъ рукописей и отысканія свидѣтельствъ; еще болѣе съ этой стороны сдѣлался онъ необходимъ историографу, когда послѣдній въ 1816 году переѣхалъ въ С.-Петербургъ; оттуда сносился оно довольно часто съ Калайдовичемъ, и археологъ рѣшалъ нерѣдко вопросы и задачи историка, что́ конечно извѣстно и замѣтно читателямъ незабвеннаго творенія. 2) Н. Н. Б.-Каменскій, о которомъ мы должны еще будемъ упоминать впослѣдствіи, весьма высоко цѣнилъ дарованія и знанія юноши; ему между прочимъ посвятилъ Калайдовичъ замѣчательную статью свою, помѣщенную въ Вѣстникѣ Европы, часть 72, 1813 и 1814 года, № 23 и 24, мѣс. Дек. и Янв.: «*Объ ученыхъ трудахъ митрополита Кипріана и о томъ, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарію сочиненіе Книги Степенной*» По кончинѣ же его, помѣстилъ въ В. Евр., часть 74, 1814 года: «*Записку о жизни Б.-Каменскаго*», сообщая сыну его Владиміру Николаевичу, отъ 19 Марта, 1814 года: «Бантышъ-Каменскій не умретъ, пока будутъ жить Россіяне! Что же значитъ похвала моя? Одно святое чувство признательности къ покойному родителю вашему можетъ оправдать ту смѣлость, съ какою начерталъ я славную жизнь его.» Въ особенности соединенъ онъ былъ дружбою съ сыномъ—Дм. Ник. Б.-Каменскимъ, по порученію котораго отпечаталъ въ Москвѣ, 1822 года,

Исторію Малороссіи, и съ которымъ мы встрѣтимся еще при дальнѣйшемъ разсказѣ. 3) Преосвященный Евгеній Болховитиновъ: съ нимъ, особенно сначала, Калайдовичъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ, и, по его порученію (напрасно предостерегая о многихъ ошибкахъ), печаталъ, въ Москвѣ, вышедшую въ 1815 году, in 8, книгу: «*Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ гражданскую и церковную Россійскую исторію, соч. Адам. Селліемъ, перев. въ Вологод. семин.* (замѣчаніе объ этомъ изданіи въ С. Отеч. 1815, № 17, стр. 181).» Въ началѣ 1814 года, Евгеній поручилъ было Калайдовичу изданіе Словаря Русскихъ свѣтскихъ писателей; К. Ѳедоровичъ даже принималъ присылаемыя біографіи на имя свое, и его преосвященства; смутны разсказы о томъ, отъ чего это предпріятіе остановилось. По крайней мѣрѣ, къ Словарю писателей духовныхъ Калайдовичъ прибавилъ отъ себя нѣкоторыя біографіи, а нѣкоторыя передѣлалъ, и, по выходѣ книги, сообщилъ Евгенію свои замѣчанія о погрѣшностяхъ, отъ 1819 года, 28 Іюля. 4) Но всего болѣе характеризуется этотъ періодъ сношеніями съ графомъ А. И. М.-Пушкинымъ. Возвратившись изъ похода, Калайдовичъ спѣшилъ освѣдомиться, что, гдѣ и какъ успѣло сохраниться изъ драгоцѣнной сокровищницы собирателя: извѣстно, напримѣръ, что Мстиславовъ Договоръ съ Ригою, напечатанный потомъ въ Достопамятностяхъ, былъ именно въ числѣ такихъ остатковъ, сохраненныхъ въ рукахъ П. П. Бекетова. Кромѣ того, вслѣдствіе истребленія подлинника, тотчасъ послѣ 1812 года поднялись сильнѣйшія сомнѣнія въ достовѣрности и неподложности Слова о Полку Игоревѣ, что, разумѣется, было очень прискорбно графу и обижало его. Какъ проницательный знатокъ древностей, Калайдовичъ не могъ никогда раздѣлять подобныхъ мнѣній, и потому считалъ своимъ долгомъ утѣшать почтеннаго любителя старины, удѣляя ему многое изъ запаса своихъ выписокъ и соображеній, далѣе которыхъ почти доселѣ еще не подвинулась критика. И нужно сказать правду, что Константинъ Ѳедоровичъ въ то время былъ почти единственнымъ оплотомъ, отстоявшимъ древность, оплотомъ, о который по неволѣ разбивались нападенія школы скептиковъ, ибо встрѣчали дѣйствительную ученость. Тѣмъ болѣе это замѣчательно, что онъ никогда въ подобныхъ случаяхъ не горячился и имѣлъ вліяніе какъ будто однимъ своимъ присутствіемъ. « Завистники », писалъ онъ графу, отъ Декабря 13, 1813 года, «должны по неволѣ безмолв-

ствовать, зная, что свидѣтельство о вашихъ сокровищахъ было извѣстно Обществу, Н. М. Карамзину и многимъ извѣстнымъ знатокамъ... *Я увѣренъ*, что время, отъ котораго зависитъ скрывать и открывать, явитъ намъ неоспоримыя доказательства»... Это строгое вѣрованіе въ судьбы науки какъ-то возвышало Калайдовича надъ современниками и въ людяхъ достойныхъ внушало къ нему довѣріе. Примѣръ видимъ мы въ М.-Пушкинѣ и увидимъ еще потомъ въ Румянцовѣ. Графъ Алексѣй Ивановичь конечно ничѣмъ не могъ выразить къ нему больше довѣрія, какъ прославъ ему, осенью 1813 года, собственноручную *свою автобіографію.* Предполагалось, что она войдетъ со временемъ въ Словарь свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія, для котораго работалъ и Дм. Ник. Б.-Каменскій; но Калайдовичь не много поспѣшилъ огласить ее, по просьбѣ почтеннаго издателя *Вѣстника Европы*; люди неблагонамѣренные прикрикнули противъ достоинствъ графа, какъ собирателя и знатока древностей, произошла порядочная непріятность. Впослѣдствіи, по кончинѣ уже графа, Калайдовичь помѣстилъ въ II-й ч. Трудовъ Общ. И. и Др. Р. *«Библіографическое замѣчаніе о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи древностей графа А. И. М.-Пушкина»*, гдѣ счелъ уже нужнымъ выставить обстоятельства, отвращающія всякое подозрѣніе отъ Слова о П. И. Самъ Калайдовичь называлъ это похвальнымъ словомъ, и, какъ такое, поднесъ его графинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Не говоримъ о болѣе мелкихъ предметахъ сношеній, о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, открытіяхъ, рѣдкостяхъ графа, въ чемъ во всемъ принималъ нашъ археологъ живое участіе: такъ, напримѣръ, онъ писалъ дополненія и объясненія къ сочиненію графа *«О Славянскихъ мѣсяцахъ»*, и т. п. Не мало цѣнилъ онъ также преждевременно скончавшагося сына его, Александра Алексѣевича, подававшаго, говорятъ, надежды въ литературѣ, а съ Иваномъ Алексѣевичемъ имѣлъ въ 1827 году сношенія, собираясь перепечатывать *«Духовную Владиміра Мономаха,»* изданную 1793 года графомъ, равно какъ *«Книгу большому чертежу.»* 5) Канцлеръ, графъ Николай Петровичь Румянцовъ. Сношенія съ нимъ только что начались въ разбираемый нами періодъ, а потому мы предполагаемъ сказать объ нихъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ. Наконецъ, изъ библіографовъ, въ это время близки были у Калайдовича сношенія съ В. Ст. Сопиковымъ.

Взглянемъ теперь на сношенія съ журналами и журналистами, и,

чтобы уже болѣе не возвращаться, скажемъ вкратцѣ и о годахъ послѣдующихъ. По самому роду занятій Калайдовича, для журналовъ было очень лестно получать отъ него разныя извѣстія о новостяхъ науки и открытіяхъ. Онъ и самъ нерѣдко обѣщалъ содѣйствіе, и — за дѣлами болѣе важными—не исполнялъ. Причина была слѣдующая: онъ, какъ замѣтили мы, любилъ копить открытія, возводя ихъ къ какому-либо стройному цѣлому или приготовляя къ обширному изданію. Тогда самимъ дѣломъ отвѣчалъ онъ на нападки или возраженія. Сказать правду, ему и не находилось достойнаго возражателя, который поколебалъ бы въ основѣ спокойную послѣдовательность трудовъ и непремѣнно вызвалъ бы тотчасъ къ бою. Однако бывали случаи, когда выводили къ рѣчи мелочами и придирками. Тогда, будучи характера пылкаго, но умѣя сдерживать увлеченія и не любя ссоръ, Калайдовичъ высылалъ статью, разъясняющую дѣло, и при ней — большею частію—скрывалъ свое имя. Отсюда, статей его, открыто помѣщенныхъ въ журналахъ, не много; замѣчаній же, унимавшихъ крикъ дѣльнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, довольно много: но, такъ какъ ни самъ авторъ въ свое время не хотѣлъ оглашать ихъ, ни связи нѣкоторыя не успѣли еще остыть, то мы не считаемъ себя въ правѣ преждевременно приподнимать всю завѣсу. Приведемъ одно письмо, характеризующее такого рода обстоятельства: «Приготовляю вамъ ту и другую пѣсу; но повѣрите ли, что иногда одно слово заставляетъ рыться тамъ и сямъ, справляться съ библіотеками (такъ всегда была серьёзна его работа), прежде нежели откроешь точный его смыслъ... Мои письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи вы скоро получите (письмо писано въ 1823 году), и увидите, правъ ли я предъ Ходаковскимъ. Я лично читалъ ему нѣкоторыя мѣста, какъ человѣку, который, по его собственнымъ словамъ, еще учится, не зная, что̀ выйдетъ изъ городищъ, и котораго никогда не могутъ оскорбить разнорѣчія въ мнѣніяхъ; не скрылъ и того, что; можетъ быть, отчеты помѣстятся въ вашемъ журналѣ,—и съ той поры другъ къ другу ни ногой!... Все ладно и дружно дотолѣ, пока слушаешь и молчишь. Къ чему жъ всѣ наши розысканія, когда, при нынѣшнемъ свѣтѣ исторической критики, мы не можемъ подвинуть своихъ свѣдѣній ни на шагъ впередъ? Еще недавно я противорѣчилъ мнѣнію о церковномъ языкѣ Славянскомъ, на которомъ мнѣніи основывалась вся ученая

слава; усумнился только слегка *въ тализманахъ*,—и пошелъ дымъ коромысломъ! Но пусть мои противники поставятъ меня подъ жестокую историческую и критическую батарею: на зло имъ, я можетъ быть выйду невредимъ.... Пусть оно идетъ своимъ чередомъ, а у насъ и безъ того много занятій. Я собираюсь описать вамъ... Но нѣтъ, лучше не обѣщать, а исполнить. Душа моя исполнена совершенными желаніями возможнаго блага вашему журналу, обѣщанія невольно вырываются.» Совершенно подобное же, и еще болѣе выразительное, письмо находимъ мы отъ Января 1-го, 1814 года. Люди, понимавшіе и цѣнившіе Калайдовича, какъ напримѣръ графъ Румянцовъ, остерегали его отъ мелкой разбросанности: «Я боюсь, пишетъ канцлеръ въ 1823 году, не отнимаетъ ли у васъ время нѣкоторое желаніе украшать журналы вашими мелкими сочиненіями (1).»

Переходимъ къ заключительному обстоятельству очерченнаго нами

---

(1) Разумѣется, Вѣстникъ Европы, возбуждавшій такое вниманіе тогдашней эпохи, не могъ идти въ этотъ рядъ и разсчетъ; въ немъ встрѣчаемъ мы, помянутыя отчасти выше, статьи: 1813 года, часть 71, «*Объ Іоаннѣ Ѳедоровѣ, типографщикѣ*»; «*О трудахъ М. Кипріана* (см. выше);» «*Записка о жизни Б.-Каменскаго* (см. выше);» 1819 года, часть 106 и 107, «*Свѣденія о трудахъ Швайпольта Феоля, древнѣйшаго Славянскаго типографщика*;» 1820 года, ч. 110, «*Нѣчто о Славянскомъ переводѣ Кормчей*;» «*О трудахъ Тимковскаго*;» 1822 года, «*Въ защиту твореній Кирилла Туровскаго.*» Было однако же время, когда для помѣщенія любимыхъ и серьезныхъ статей своихъ, Калайдовичъ принужденъ былъ обратиться къ другому журналу: это именно 1814-й годъ, когда М. Тр. Каченовскій передалъ на время изданіе Вл. В. Измайлову, а Константинъ Ѳедоровичъ, поставленный въ необходимость зарабатывать плату, вынужденъ былъ, по собственнымъ словамъ своимъ, писать «о женскихъ носовыхъ платкахъ, и тому подобномъ.» Эта эпоха однако, къ счастію, миновалась.—Другое за тѣмъ изданіе, достойное во многихъ отношеніяхъ, было Сѣверный Архивъ 1823 года, въ которомъ помѣстилъ Калайдовичъ: *въ* № 4-мъ, «*Библіографическое извѣстіе о Евангеліи учительномъ въ Заблудовѣ*»; въ № 6-мъ «*Азбука Бурцова*»; въ № 2-мъ «*О Евангеліи, напечатанномъ въ Вильнѣ*».—Наконецъ, въ С. Отеч : 1814 г. «*Объ орденѣ подвязки, бывшемъ будто бы у боярина Матвѣева*» Тамъ же: «*Извѣстіе о кончинѣ и погребеніи Н. Н. Б.-Кам.*» Тамъ же: «*Планъ Бородинской битвы со стороны Франц., предначертанныя въ лагерѣ близь Можайска, княземъ Невшательск. Бертье,*» подлинникъ съ переводомъ К-ча. 1815: «*Отрывокъ изъ путевыхъ запис. во Владимірѣ.*» 1817: «*Некрологія Ник. Ив. Матрушина, собирателя древностей и рукописей,*» его друга. Таковы наиболѣе извѣстныя и открытыя журнальныя статьи Калайдовича. Изъ прочихъ сочиненій, кромѣ вышеупомянутыхъ, остается указать два: въ I. части Тр. О. И. и Др. Р. «*Замѣчанія на статью князя Щербатова объ одной Русской монетѣ*»; отдѣльною книжкой «*Краткое начертаніе Русской исторіи,*» М., 1814, in 8. Прибавимъ здѣсь

періода (1813—1815). Суздальщина постоянно занимала любознательность Константина Ѳедоровича. Съ возврата изъ арміи, во все теченіе полутора года онъ велъ непрерывную переписку съ братомъ Ѳедоромъ во Владимірѣ, то справляясь о древностяхъ страны, то хлопоча о слѣдахъ *Суздальской лѣтописи*, то собирая свѣдѣнія о нѣкоторыхъ интересныхъ лицахъ тамошней службы, напримѣръ В. С. Подшиваловѣ. Наконецъ самъ онъ отправился во Владиміръ и Суздаль, собралъ бумаги, книги и рѣдкости, какъ вдругъ, при случайной встрѣчѣ вызвавшаго обстоятельства, поступкомъ, о которомъ ходятъ разные разсказы, совершенно противорѣчащія, и котораго потому нѣтъ нужды разъяснять по свѣжести времени, навлекъ на себя бѣду, грозившую оффиціальнымъ наказаніемъ и общественной строгой отвѣтственностью. Здѣсь-то, во всей строгости своей, какъ неумытный судія, явилось то семейное начало, о которомъ говорили мы выше. Отецъ укрылъ сына и взялъ на себя наказать провинившагося: 1-го Февраля, 1815 года, объявилъ его сумасшедшимъ и тогда же отправилъ въ Московскій домъ ума лишенныхъ.

—

Изъятый мгновеннымъ случаемъ изъ круга любимыхъ занятій, лишенный всѣхъ средствъ продолжать ихъ, всего собраннаго запаса книгъ, бумагъ, выписокъ, замѣтокъ и прочихъ вещей, удаленный отъ жизни, заключенный между страшныхъ лицъ, противъ воли лѣчимый, Константинъ Ѳедоровичъ очутился въ пустынѣ, которая была бы совершенно безотрадною, еслибъ не оставались съ нимъ—душевное развитіе, извѣстная сумма мыслей и идей, изъ прожитаго, составляющихъ въ каждомъ своего рода философію, наконецъ поэзія, доступная каждому воспріимчивому сердцу. Такимъ образомъ въ этомъ періодѣ, совершенно удалившемъ прежняго пылкаго дѣятеля съ поприща внѣшняго, жизнеописатель можетъ остановиться по крайней мѣрѣ на поэзіи, отчасти оживлявшей пустыню.

Читавшіе сочиненія, и въ особенности письма Калайдовича, знаютъ конечно, что, при отличіяхъ сжатаго и краткаго слога, воспи-

---

кстати статью, написанную еще очень рано (1816) и напечат. послѣ въ Историческомъ Сборникѣ 1838 г., «*Разсужденіе о поединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ*», и т. д.

таннаго на поприщѣ строгой и положительной науки, онъ владѣлъ всегда языкомъ, увлекательнымъ по своей чистотѣ, простотѣ и ясности. До этой немалозначущей ступени изящнаго выраженія авторъ достигалъ, между прочимъ, тщательностію обработки, замѣтною даже и въ пріемахъ внѣшнихъ: такъ, напримѣръ, не только сочиненія свои, но даже всѣ письма и записки Константинъ Ѳедоровичъ всегда писалъ сперва на черно,—обстоятельство, послужившее къ счастливому сохраненію большей части бумагъ его, ибо каждая изъ нихъ имѣла свою копію. И хотя мы въ чернѣ встрѣчаемъ обыкновенно весьма мало поправокъ,—доказательство, что тутъ дѣйствовала не одна обработка, но и даровитость,—однако самый пріемъ показываетъ уже заботливость о внѣшней отдѣлкѣ рѣчи. Все это давало Калайдовичу почетное мѣсто даже въ глазахъ литераторовъ, писавшихъ въ журналы, занимавшихся *легкой* литературой. Вл. В. Измайловъ «глава слезливыхъ», какъ называлъ его нашъ ученый, В. Н. Козловъ «одинъ изъ чувствительныхъ», кн. Шаликовъ съ прочими, все это считало Калайдовича сочленомъ кружка своего. Ему читали, читали, желали совѣта, одобренія. Еще болѣе: увѣрены были въ его вкусѣ къ стихамъ, а извѣстно, что стихотворцы не любятъ такихъ людей оставлять въ покоѣ, и особенно женщины-стихотворцы. И точно: судьба наслала ему поэта женскаго пола; приходилось читать опыты, оцѣнивать, одобрять, ободрять, и вести даже переписку на берега Волги. Въ 1812 году писательница издала свои «Первые Опыты»: Калайдовичъ изъ вѣжливости принужденъ былъ просить біографію, для помѣщенія въ предполагавшійся Словарь свѣтскихъ писателей. «И ваша ученая жизнь, пишетъ онъ ей отъ 25 Ноября, 1813 года, нужна теперь для меня при изданіи Словаря Русскихъ писателей, присланнаго ко мнѣ Калужскимъ ученѣйшимъ и любезнѣйшимъ архіереемъ Евгеніемъ». Что же самъ онъ? Какъ человѣкъ души пылкой, онъ не могъ быть чуждъ поэзіи; но, какъ ученый, посвятившій себя другому поприщу, онъ имѣлъ на столько сознанія о своемъ назначеніи, чтобы написанные стихи не пускать въ печать. Въ 1814 году смерть одного пріятеля и товарища, офицера Грамацкаго, застрѣлившагося отъ несчастной любви, произвела на него сильное впечатлѣніе и вызвала нѣсколько стиховъ, въ память того, кто «жизнь цвѣтущую принесъ могилѣ въ даръ». Подобная настроенность, и всегда почти съ характеромъ унынія,—слѣдствіе между прочимъ слабаго тѣлеснаго организма и нер-

вознести, — находила себѣ потаенный уголокъ въ сердцѣ Константина Ѳедоровича, всегда готовая на отзывъ. И вотъ примѣръ: спустя девять лѣтъ послѣ помянутыхъ стиховъ, именно Февраля 3, 1823 года, въ то самое время, когда онъ занимался печатаніемъ «Археологическихъ писемъ» и готовилъ къ выходу своего «Эксарха», мы находимъ стихи къ сестрѣ, въ день имянинъ, передающіе ей «поздравленье съ завѣщаньемъ»:

Когда умру, вели мой холмъ уединенный
Ветлами обсадить вокругъ,—
Пусть зеленѣетъ онъ, ихъ тѣнью покровенный;
И камень, дикой и простой,
Вели поставить ты на холмъ,—безъ украшеній;
На что мнѣ мавзолей пустой?
Давно я гордости не знаю наслажденій.
На камнѣ вырѣзать стихи мои вели,
Что—помнишь?—я писалъ къ самоубійцѣ другу,
Который, для любви забывъ все на земли,
Не милую—а смерть досталъ себѣ въ подругу.

Но если когда-нибудь, то во время заключенія могло быть настоящее мѣсто уныло-настроенной лирѣ, когда къ нему всего лучше шли собственныя слова его:

«И опытность ума, и жизни цѣну
Ты купишь тяжестью душевныхъ ранъ».

Въ самомъ дѣлѣ, число стиховъ, написанныхъ имъ тогда, довольно значительно, и, читая ихъ, мы не можемъ порою не содрогнуться при описаніи глубочайшей горести души или потрясающихъ картинъ, его окружавшихъ; то застаемъ мы его съ углемъ въ рукѣ, когда, за неимѣніемъ бумаги, чертитъ онъ на стѣнѣ; то читаемъ изображеніе страшной грозы во время ночи, когда сильная молнія, освѣщая комнату, едва давала ему возможность записывать на клочкѣ бумаги свои мысли и чувства; самое заглавіе нѣкоторыхъ стиховъ: «писано однимъ несчастнымъ, заключеннымъ въ домѣ ума лишенныхъ», самая подпись—«Д. У. Л.», это грустное предчувствіе близкой кончины, выраженное въ посланіи къ сестрѣ, товарищу заключенія, все это даетъ намъ возможность представить тяжесть положенія. Однако самые стихи составляли уже отраду; онъ облегчался жалобой на судьбу,

которая «хотѣла, чтобъ молчалъ онъ и *не пилъ*»; онъ нѣсколько разъ называетъ себя *пѣвцомъ и поэтомъ*: «а поэтъ твой день привѣтитъ и стихами надаритъ». Особенно интересно: «*Посланіе къ попечительницамъ моего заключенія*», обнимающее болѣе 300 стиховъ. — Оставалось ждать исцѣленія; лѣкарство, говоритъ онъ, заключалось для него *въ двухъ словахъ*: а эти два слова должны были выразить согласіе отца. Наконецъ стихи отъ 23 Іюня къ Дм. Н. Б.-Каменскому увѣдомляютъ насъ, что попечительный другъ обѣщалъ поговорить родителю въ пользу заключеннаго. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовало освобожденіе.

—

Однако кончилось только наказаніе; строгость родительской власти приготовляла теперь мѣры для будущаго исправленія. Удобнѣйшимъ мѣстомъ для того избралъ отецъ Николо-Пѣшношскую обитель, извѣстную по своей пустынности. Іюля 16, 1815 года, прибылъ туда Калайдовичъ, а 24-го отецъ, по предварительному соглашенію, переслалъ настоятелю форменную бумагу на гербовомъ листѣ объ условіяхъ пребыванія сына. Чтобы вполнѣ дать читателямъ понять всѣ эти отношенія, приведемъ письма. Письмо Константина Ѳедоровича къ родителямъ отъ Генваря 1816 года оканчивается такимъ образомъ: «Умоляю васъ со слезами, дражайшіе родители, о дарованіи мнѣ прощенія въ беззаконныхъ поступкахъ моихъ и о возвращеніи къ прежней родительской любви и милости». Отъ 16 Апрѣля того же года: «Христосъ воскресе, дражайшіе родители! Поздравляю васъ съ прошедшими днями Пасхи и, свидѣтельствуя глубочайшую мою сыновнюю преданность, всенижайше испрашиваю родительскаго вашего благословенія, умоляя именемъ Божіимъ, въ облегченіе скорби, извѣстить меня о мѣрахъ, какія вы предпріемлете касательно моихъ обстоятельствъ, и тѣмъ успокоить сердце грѣшника, жестоко, но по справедливости судьбою наказаннаго. Если же что-либо воспрепятствуетъ скорому возвращенію моему въ Москву, то я смѣю надѣяться, что вы навѣстите меня въ уединеніи, ибо въ продолженіи девятимѣсячнаго моего здѣсь пребыванія я совершенно отчужденъ былъ отъ родства и дружбы. Склонитесь на слезное моленіе мое и сотворите милость съ рабомъ своимъ, который до конца жизни пребудетъ вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ». Не утерпѣло сердце матери, весною она навѣстила сына, и отъ Мая 14, 1816 года, отецъ

пишетъ: « Матушка, побывавъ въ вашемъ монастырѣ, принесла мнѣ пріятное извѣстіе о твоемъ исправленіи. Да укрѣпитъ тебя Господь Богъ! Я для твоего исправленія, а не для вступленія въ монашество послалъ тебя въ монастырь »... За этимъ Ѳедоръ Дмитріевичъ нападаетъ на такъ называемыхъ мартинистовъ и прибавляетъ между прочимъ: « Ты читалъ Штиллинга, и ежели понималъ его, то видѣлъ, сколь онъ нагородилъ вракъ... Посылаю тебѣ нѣсколько чаю и хины... Да нарви побольше звѣробою въ самомъ цвѣтѣ, повяжи его въ пучечки и высуши въ тѣни...; а жолуди то же можешь привезти, когда время тебѣ назначится изъ монастыря выѣхать». Снова, по долгу дружбы, Дм. Н. Б.-Каменскій представалъ къ отцу съ ходатайствомъ, и тотъ пишетъ наконецъ отъ Іюля 12-го: « Константинъ Ѳедоровичъ! Прошедшаго года, Іюля 16 дня, прибылъ ты въ монастырь, почему сего года, Іюля 16 же дня, и долженъ ты оный оставить. Помолясь Господу Богу Іисусу Христу и Пречистой Его Матери, также угодникамъ Божіимъ—святителю Николаю и преподобному Меѳодію, и поблагодаря отца Пахомія (1) за его отеческое попеченіе, испроси отъ него монастырскую подводу, возьми свои вещи, звѣробой сушоной или свѣжой, когда не успѣлъ насушить, пріѣзжай ко мнѣ. Я просилъ отца Пахомія, чтобы написалъ свидѣтельство о тебѣ, на что послалъ къ нему форму и гербовую бумагу. Денегъ 50 рублей далъ я сначала, а послѣднія 50 отдамъ тому, которой тебя привезетъ (2), кромѣ тѣхъ 35 рублей, которые я заплатилъ за забратыя тобою вещи (3). » Такъ и было исполнено, при чемъ настоятель доставилъ свидѣтельство о должномъ поведеніи и исцѣленіи. Освобожденный, по возвращеніи въ Москву, снялъ послушническую одежду, остригъ длинные волосы, и отъ 25 Іюля спѣшилъ выразить признательность попечительному другу: «Почтеннѣйшій и любезный другъ! Благодареніе Богу, я въ Москвѣ и на свободѣ! Возвратившись изъ пустыннаго уединенія, не разъ сокрушался я сердцемъ, не видя цѣлителя души моей; но какое необыкновенно радостное чувство, рѣдко меня воспламенявшее, наполнило пріятнымъ трепетомъ душу мою, когда я узналъ, что вы здѣсь, что я еще могу обнять друга, усладившаго горести дней мо-

(1) Настоятеля.

(2) 100 рублей, по условію, было назначено за пребываніе въ обители.

(3) Таковы были издержки въ теченіе года.

ихъ, бывшаго виною моего спасенія и запечатлѣвшаго истинную любовь ко мнѣ не мечтами и обольщеніями, но святою дружескою жертвой. Вы были ангеломъ, благовѣстившимъ мнѣ свободу: будьте теперь единственнымъ свидѣтелемъ моей радости, которая безъ васъ чужда сердцу моему; а мнѣ дозвольте питаться сладостнымъ чувствомъ мольбы къ Всевѣдущему о томъ, чтобы жизнь ваша текла во вѣкъ безъ горестей, чтобы всѣ добрые, всѣ подобные вамъ, были счастливы. Вашъ весь, духомъ и сердцемъ преданный К. К.»— Что́ же дѣлалъ Калайдовичъ въ пу́стыни, кромѣ исполненія обязанностей, выражавшихъ повиновеніе и исправленіе? Изъ пересылки книгъ видимъ, что онъ усердно продолжалъ занятія, между прочимъ Паломникомъ Даніила, выписавъ его отъ преосвященнаго Евгенія; принимая къ сердцу событія пустынническої жизни, сочинялъ надгробія почившимъ старцамъ; наконецъ, подробно изучилъ исторію, топографію и внутреннее состояніе монастыря: плоды этого прекраснаго труда изданы были уже послѣ его смерти, въ 1837 году, въ сочиненіи, подъ заглавіемъ: «*Историческое и топографическое описаніе мужскаго общежительнаго монастыря Св. Чудотворца Николая, что на Пьшношѣ, съ присовокупленіемъ уставовъ и чиноположенія*. М., въ Унив. тип., съ рисунками, in 8». Но главное все-таки, что́ вынесъ Константинъ Ѳедоровичъ изъ этой «тяжкой эпохи душевныхъ ранъ», состояло въ «опытности ума и оцѣнкѣ жизни». Потому тотчасъ въ слѣдъ за этимъ мы встрѣчаемъ періодъ, продолжавшійся до 1828 года и имѣвшій своимъ отличіемъ: опытный и положительный взглядъ на жизнь, зрѣлость сужденія, обработанность трудовъ, соединявшихъ открытія въ обширныхъ изданіяхъ, и вообще ученую дѣятельность *мужа*. Только въ началѣ такого періода, какъ бы на радости послѣ заключенія, встрѣчаемъ ликованье и праздникъ, которымъ отпразднована была—и въ послѣдній разъ—увлекательная молодость. Къ осени 1816 года отправился Калайдовичъ въ Калугу, быть можетъ по желанію пр. Евгенія, въ томъ же году переведеннаго въ Псковъ. Здѣсь, и въ Мещовскѣ, особенно въ сельцѣ Алешинскомъ, воскресло увлеченіе, воскресла муза: онъ писалъ стихи къ красотѣ, на любезную бесѣду, на концерты. На этотъ разъ въ самыхъ стихахъ мы не видимъ уже унынія.

—

Въ предисловіи къ « Памятникамъ XII вѣка » Калайдовичъ говоритъ объ Румянцовѣ, что онъ « своею любовію къ отечественнымъ древностямъ и щедрыми въ пользу наукъ пожертвованіями являетъ незабвенную въ нашей словесности эпоху, по справедливости достойную носить славное его имя.» Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ также достаточныя причины назвать *Румянцовскою* всю ту пору ученой дѣятельности, которую предстоитъ описать намъ и которая, какъ увидятъ читатели, связана во всѣхъ отношеніяхъ съ именемъ графа. При этомъ должны мы вернуться нѣсколько назадъ. Чувствуя приближеніе кончины, Н. Н. Б.-Каменскій, отъ 26 Декабря 1813 года, писалъ къ *другу* своему, государственному канцлеру, нѣкотораго рода завѣщаніе, въ которомъ между прочимъ просилъ назначить: на свое мѣсто—А. Ѳ. Малиновскаго; въ помощники ему сына Димитрія; при Коммиссіи печатанія гос. грамотъ и договоровъ просилъ оставить Либенау и при немъ двухъ чиновниковъ—Нестеровича и Прилуцкаго. «Но, прибавляетъ онъ, какъ при печатаніи сихъ трактатовъ требуется человѣкъ, знающій крѣпко литературу и Россійскую исторію, то и рекомендую на сіе мѣсто находящагося въ университетѣ и давно желающаго быть при Архивѣ г. кандидата Калайдовича. Онъ уже извѣстенъ по многимъ историческимъ и критическимъ отрывкамъ въ исторіи; онъ нашелъ и въ I-й части (изданныхъ въ 1813 году грамотъ и договоровъ) вкравшіяся ошибки. Примѣчанія его на Кипріановскую Степенную Книгу напечатаны въ послѣдней сего мѣсяца книжкѣ Вѣстника Европы. Вы можете сію книгу взять у г. Вестмана и увидите въ его начертаніи оборотность ума его.» Помянутыя здѣсь замѣчанія объ ошибкахъ при изданіи I-й части г. гр. и дог. были посланы Калайдовичемъ къ Каменскому въ видѣ письма, принятаго почтеннымъ археологомъ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ и напечатаннаго даже особою тетрадкою. Въ своемъ отвѣтѣ, отъ 9 Января, 1814 года, графъ, успокоивая Б.-Каменскаго на счетъ выздоровленія, прибавляетъ: «Предположенія ваши, въ ономъ письмѣ означенныя, останутся у меня въ памяти, и я конечно во всякомъ случаѣ за долгъ поставлю дѣлать вамъ пріятное. Давно уже желалъ я для службы пріобрѣсть г. кандидата Калайдовича. За напоминаніе объ немъ я вамъ весьма благодаренъ и прошу васъ теперь доставить ко мнѣ токмо его прошеніе съ аттестатами и дать мнѣ знать, на какомъ основаніи онъ желаетъ поступить въ службу, дабы я потому могъ сдѣлать надлежащее рас-

поряженіе.» Основываясь на этомъ письмѣ, Калайдовичъ посылаетъ къ канцлеру свое *первое* письмо отъ 26 Января, 1814 года: «Честь имѣю отвѣтствовать, что я, желая посвятить всю жизнь свою Русскимъ исторіи и особенно древностямъ и дипломатикѣ, и чувствуя, что мѣсто теперешней службы моей въ Московскомъ университетѣ не столько можетъ доставить мнѣ способовъ усовершенствовать себя въ сей части, искалъ случая употребить слабыя мои познанія и силы на служеніе Архиву коллегіи иностранныхъ дѣлъ... Мои обстоятельства, ученое знакомство и здѣшнія библіотеки древностей, хорошо мнѣ извѣстныя, по средствомъ коихъ я былъ бы въ возможности быть нѣкогда полезнымъ, располагаютъ меня остаться къ продолженію службы въ Москвѣ»... Графъ отвѣчалъ ему письмомъ отъ 25 Января, и Калайдовичъ, послѣ болѣзни, съ 19 Марта, 1814 года, началъ съ нимъ ученую переписку, пославъ на первый разъ свои отпечатанныя записки о покойномъ другѣ канцлера Б.-Каменскомъ. Между тѣмъ несчастіе, постигшее его, прервало на нѣсколько времени интересныя сношенія. Мы видѣли, что нѣсколько недѣль по возвращеніи изъ похода, Калайдовичъ жилъ у М. Тр. Каченовскаго; потомъ средства, доставленныя университетомъ, дали ему возможность переѣхать на собственную отдѣльную квартиру, на Пятницкой, у Климента; въ концѣ 1814 года онъ даже пользовался казеннымъ помѣщеніемъ въ Благородномъ пансіонѣ. Прибывъ же изъ Пѣшношской обители, долженъ онъ былъ остановиться у отца (у Рождества въ Палашахъ, на Тверской), не имѣя ни откуда доходовъ, ибо числился только номинально при университетѣ. Это крайнее положеніе рисуетъ намъ просьба его къ государю отъ 1-го Сентября 1816 года, по обстоятельствамъ недостигшая впрочемъ цѣли (1). Дм. Н. Б.-Каменскій, отъѣзжав-

(а) «Всеавгустѣйшій Монархъ, Государь Всемилостивѣйшій! Да не оскорбится Величество Твое смѣлостію, съ какою я дерзнулъ предстать Освященному Лицу Твоему, дабы изразить тѣ чувства любви и преданности, коими всегда пылала къ Тебѣ душа моя, и просить милости, которую Единъ только Ты излить на меня можешь. Въ славный для Россіи 1812 годъ, внимая Твоему воззванію, послѣдовалъ я мгновенно отеческому гласу, оставилъ мою службу въ Твоемъ Московскомъ университетѣ, летѣлъ на поле брани, и въ трехъ сраженіяхъ готовъ былъ запечатлѣть моею кровію безпредѣльное усердіе къ Тебѣ, Государь, и Отечеству. Въ это время родительскій домъ въ первопрестольномъ градѣ Твоемъ и все, что въ ономъ ни имѣлъ я, досталось въ добычу пламени: потерю перенесъ я равнодушно;—и когда животворные лучи Твои осушали слезы любезнаго Тебѣ народа, надѣясь на крѣпость силъ моихъ, не осмѣливался я испрашивать щедротъ Твоихъ. Теперь, когда долговременная болѣзнь совершенно въ теченіи полутора

шій въ то время въ Малороссію, имѣлъ даже намѣреніе пристроить тамъ своего друга. Между тѣмъ Калайдовичъ, побывавъ въ Калугѣ, по возвращеніи своемъ въ Москву долженъ былъ жить, какъ кажется, на счетъ графа, исполняя его порученія. Съ братомъ во Владимірѣ, послѣ несчастнаго приключенія и потери Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ мѣста, сношенія прекратились. Любопытно, что послѣдняя рѣдкость, которою интересовался здѣсь Константинъ Ѳедоровичъ, какъ натуралистъ, была бѣлая мышь въ Суздалѣ: однако, за неумѣніемъ дѣлать чучелы, она такъ и сгибла.—Дѣятельность начала сосредоточиваться слѣдующими путями. Въ началѣ 1816 года, канцлеръ поручилъ Симоновскому архимандриту Герасиму осмотрѣть монастырское книгохранилище и рѣдкости; въ Маѣ послѣдовало подобное порученіе о монастырѣ Даниловѣ, церкви Спаса на Бору и другихъ монастыряхъ, а отъ 24 Октября о монастырѣ Новоспасскомъ. Тогда арх. Герасимъ отнесся къ Калайдовичу за помощію, и послѣдній, отъ 10 Декабря, обѣщался доставить графу росписи осмотрѣннымъ книгамъ и рукописямъ изъ монастырей Данилова и Новоспасскаго, отъ 16 Февраля, 1817 года, выслалъ ихъ, и, при обоихъ этихъ случаяхъ, въ своихъ письмахъ, подалъ уже мысль о необходимости составить каталогъ Синодальной библіотеки, указывая между прочимъ на Іоанна Эксарха и давая мнѣніе о близкой современности его твореній Славянскимъ первоучителямъ. Съ этой поры, описывая канцлеру разныя Московскія рукописи, Калайдовичъ сдѣлался ему близокъ и необходимъ. Въ томъ же 1817 году, по приглашенію своего покровителя, онъ принялъ участіе въ изданіи II-й части «*Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ,*» въ Коммиссіи ихъ печатанія, въ которой съ этого времени находился съ званіемъ контръ-корректора, исправляя корректуры, сверхъ Русскаго языка, на Латинскомъ, Французскомъ и Польскомъ. Тѣмъ не менѣе, пользуясь пособіями графа, оставался онъ по прежнему кандидатомъ и числился при университетѣ, не имѣя службы въ собственномъ смыслѣ. Точность, съ которою исполнялъ онъ ввѣренную обязанность, должна была расположить къ

года изнурила меня, дерзаю повергнуть себя къ освященнѣйшимъ стопамъ Твоимъ, да коснется и меня всеобъемлющая благость Твоя, оживитъ духъ, пламенѣющій безпредѣльною ревностію къ Твоей службѣ, и я—прославляя богоподобное Твое царствованіе—не буду сомнѣваться болѣе въ жизни моей во дни несравненнаго Твоего владычествованія.»

нему Румянцова, вопреки даже настояніямъ г. Анастасевича, отмѣчавшаго въ Петербургѣ мнимыя ошибки изданія (1). До какой степени ревностенъ былъ Калайдовичъ къ ученымъ предпріятіямъ, свидѣтельствуетъ замѣчательное объясненіе, представленное имъ въ то время, отъ 1-го Ноября, 1817 года, по поводу предпринимавшагося Московскою духовною типографіею вторичнаго изданія лѣтописцевъ Новгородскаго и Архангелогородскаго, хранившихся въ Синодальной библіотекѣ (2). Можно спросить безпристрастныхъ читателей: откуда вдругъ выросъ и явился въ Россіи такой филолого-историкъ, неутомимый и ревностный до послѣдней степени, а въ ревности своей не накладный правительству и частнымъ лицамъ? Послѣ него можно уже было идти по слѣдамъ: но кто былъ ему достойнымъ примѣромъ, кто указателемъ? Не мудрено, что не многіе понимали его, и нѣкоторые планы его, безъ содѣйствія, остались неисполненными, чтобы только поучать насъ. Одинъ лишь человѣкъ, съ оффиціальной высоты умѣвшій сойдти до вопросовъ науки и въ старческихъ лѣтахъ принять къ сердцу ея интересы, оцѣнилъ настоящимъ образомъ способности Калайдовича, взялъ на себя трудъ расширить пути для безпрепятственной его дѣятельности, поддержать средствами, устроить внѣшнее положеніе, и притомъ всему этому дать такой смыслъ, какъ будто ученый постоянно одолжалъ его. Получивъ отъ А. Ѳ. Малиновскаго первый отпечатанный листъ II-й части госуд. гр. и договоровъ, а вмѣстѣ снимокъ заглавія и предисловія съ одной харатейной рукописи, най-

(1) О необыкновенной привязанности К—ча къ точности разсказываютъ забавный случай. Разъ онъ былъ у Троицы, и за всенощной, середи студентовъ академіи, читалъ наизусть; попалось какое-то слово, закапанное въ книгѣ воскомъ: онъ прочелъ по памяти, но тотчасъ усомнился, перервалъ чтеніе, соскоблилъ воскъ, и тогда уже съ торжествомъ воскликнулъ: «да, я прочелъ точно такъ!»

(2) Относясь съ предложеніемъ услугъ своихъ и планомъ изданія, представляетъ онъ слѣдующія побужденія: онъ приготовилъ, говоритъ, уже прежде того *матеріалы* (для изданія) *на половину Новгородскаго лѣтописца*, постоянное же упражненіе на такомъ поприщѣ *въ теченіе пяти лѣтъ* давало право надѣяться, что труды его будутъ полезны любителямъ древностей и исторіи. Касательно Новгородскаго лѣтописца, «съ которымъ едва ли можетъ равняться древностію и самая Лаврентьевская лѣтопись (слова Калайдовича),» предлагалъ онъ свой планъ изданія, очень замѣчательный по тому времени и даже поучительный времени нашему: 1) издать церковными буквами, съ удержаніемъ сокращеній и самихъ интерпункцій подлинника; 2) на противуположной страницѣ прибавить вѣрный переводъ; 3) присоединить примѣчанія и объясненія древнихъ словъ и рѣченій; 4) въ концѣ *напечатать указатель историческихъ лицъ, происшествій*, географическихъ мѣстъ, съ показаніемъ страницъ; 5) въ предисловіи прибавить розыс-

денной Калайдовичемъ въ Синодальной библіотекѣ, графъ писалъ, отъ 27 Февраля, 1817 года, къ начальнику Архива: «Отдавая должную справедливость похвальному рвенію и трудамъ г. Калайдовича, въ изысканіи отечественныхъ древностей, прошу васъ покорнѣйше, при изъявленіи истинной моей ему за сіе признательности, повторить убѣжденіе о неослабѣваніи въ занятіяхъ сего рода, дѣлающихъ столько же ему чести, сколько и приносящихъ другимъ удовольствія.» Съ этого времени, замѣтимъ между прочимъ, бо́льшая часть ученыхъ вопросовъ, предлагаемыхъ графомъ Малиновскому, рѣшаема была, черезъ посредство послѣдняго, Калайдовичемъ. Подавая ему надежду на описаніе Синодальной библіотеки, Румянцовъ продолжалъ однако сомнѣваться въ древности твореній Эксарха. За то между ними завязалось множество ученыхъ вопросовъ, по Русской исторіи, по древностямъ, по вспомогательнымъ наукамъ: одинъ спрашивалъ или сомнѣвался, другой представлялъ отвѣты и объясненія въ формѣ краткихъ разсужденій. Очень сожалѣемъ, что въ настоящемъ случаѣ обстоятельства не дозволяютъ намъ войдти во всѣ эти подробности (хотя переписка и подъ руками). По неволѣ также мы должны упомянуть вкратцѣ о другой важной сторонѣ дѣла: Константинъ Ѳедоровичъ постоянно пріобрѣталъ для графа, описывалъ и пересылалъ рѣдкія книги, рукописи, монеты; замѣтимъ только, что значительная доля Румянцовскаго музея, замѣчательнаго рѣдкостію и выборомъ, составилась трудами и рвеніемъ Московскаго ученаго. Хозяинъ сокровищницы не любилъ оставаться въ долгу: за то послѣ каждаго его подарка, являлось новое, большее и большее одолженіе, такъ что мы весьма ошибемся, если остановимся въ этихъ сношеніяхъ на вопросѣ о какой-либо матеріальной выгодѣ; она становилась сама собою на девятый, на десятый планъ: впереди же всего видимъ съ обѣихъ сторонъ дѣйствіе высокихъ побужденій науки и знанія; отыскиваются, со всѣми жертвами пріобрѣтаются, сохраняются и передаются потомкамъ, описываются и объясняются драгоцѣнные матеріалы для воскрешенія исторической жизни роднаго края. Отъ 25 Іюня, 1817 года, отправилось къ канцлеру письмо съ описаніемъ памятника, найденнаго Константиномъ Ѳедорови-

---

каніе о сочинителѣ, языкѣ и правописаніи лѣтописи. За все это, *по недостатку состоянія*, испрашивалъ онъ въ награду 2,000 рублей, именно 1500 за Новгородскаго и 500 рублей за Архангелогородскаго лѣтописца. *Въ образецъ же изданія приложилъ тетрадь*, и, для ратификаціи, просилъ переслать послѣдній корректурный листъ на разсмотрѣніе архіепископу Псковскому Евгенію (Болховитинову).

чемъ, 10 Іюня, въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ: это былъ знаменитый Изборникъ, извѣстный подъ именемъ Святославова. Графъ Николай Петровичъ, отъ 7 Іюля, поручалъ уже Малиновскому приступить къ печатанію и употребить на то Калайдовича; археологъ принялъ со всѣмъ рвеніемъ вызовъ, отъ 13 Августа. Между тѣмъ П. И. Бекетовъ истребовалъ Изборникъ для сообщенія о немъ библіографическаго описанія въ предполагавшуюся II-ю часть Русскихъ Достопамятностей. Дѣло затянулось. Калайдовичу еще при жизни пришлось поздравлять А. Х. Востокова съ порученнымъ ему изданіемъ; да если бъ и пожилъ онъ, долго бы еще все-таки не пришлось увидать въ печати вожделѣннаго Изборника. Гораздо счастливѣе были другія предпріятія. Кратковременное пребываніе Константина Ѳедоровича въ Калугѣ, о которомъ мы уже знаемъ, не прошло даромъ: онъ останавливался у А. Ѳ. Якубовича, губернскаго почтмейстера; это былъ тотъ самый воспитанникъ Московскаго университета, который 1804 года издалъ «*Древнія Русскія стихотворенія* (въ 8).» Въ томъ же, 1816 году, рукопись, вмѣщавшая въ себѣ много лишняго и лучшаго противъ выпущеннаго изданія, переходитъ уже во владѣніе графа Румянцова, а въ 1818 году мы получаемъ драгоцѣннѣйшія «*Древнія Россійскія стихотворенія* (въ 4),» отпечатанныя съ тою ловкостью и точностью, которая такъ блистательно оправдывается письмомъ Демидова къ Миллеру (см. журн. Москвитянинъ). Къ сожалѣнію, не предчувствовалъ Калайдовичъ, что удержанное имъ въ рукописи не только не увидитъ послѣ того свѣта, но даже навсегда отъ него скроется (говорятъ, рукопись Др. Ст-ній потеряна?). Покровитель ученой дѣятельности все болѣе и болѣе получалъ доказательствъ ея плодотворности; уже отъ 7 Декабря, 1817 года, пишетъ онъ въ Москву: «Вы къ изысканіямъ и даръ, и щастіе имѣете особое; не оставьте такихъ отличныхъ выгодъ безъ употребленія, и ежели сіе довершите или же случится вамъ сдѣлать какое открытіе, не оставьте меня, милостивый государь мой, о томъ безъ увѣдомленія.» Наконецъ, убѣжденный замѣчаніями ученаго во всемъ достоинствѣ твореній Эксарха, графъ отъ 6 Октября, 1818 года, обращается уже къ Малиновскому, предлагая, по переговорамъ съ Калайдовичемъ, составить планъ печатанія, и присоединяя послѣднему слѣдующій отзывъ: «Я всегда письма ваши получаю и читаю съ удовольствіемъ. Онѣ всякой разъ утверждаютъ мое особенное уваженіе къ талантамъ вашимъ и къ

тому искуству, съ которымъ вы особенный имѣете даръ отыскивать древніе памятники словесности нашей и объяснять ихъ; но съ особенною признательностію получилъ я послѣднее ваше письмо, каковымъ меня удостоили отъ 20 Сентября.» Калайдовичъ не медля отвѣчалъ, отъ Октября 17: «Почитая величайшею для себя честію быть исполнителемъ патріотическихъ высокихъ вашихъ намѣреній, поручаю снисходительности вашего сіятельства при семъ представляемый планъ изданія Іоанна Экзарха Болгарскаго.» Въ такомъ видѣ положено было начало знаменитому труду. Графъ не торопилъ въ послѣдующее время: онъ убѣждалъ и ободрялъ только къ продолженію и отдѣлкѣ труда. По мѣрѣ обработки, высылаемы ему были главы разсужденія, а потомъ отпечатанные листы. Однако это было не единственное дѣло: мы увидимъ сейчасъ еще другія плодотворныя начинанія, совпадавшія въ одномъ и томъ же періодѣ изумительной дѣятельности. Въ послѣднемъ изъ приведенныхъ нами писемъ, археологъ посылаетъ канцлеру копію съ посланія митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху объ отступленіи Латинъ: такимъ образомъ предначертывались уже «*Памятники XII вѣка*», и здѣсь кстати мы прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу этого изданія, въ которомъ Калайдовичъ ссылается въ первый разъ на примѣры иностранныхъ филологовъ при изданіи древнихъ классиковъ (предисловіе, стр. IV). Не повторяя того, что̀ читатели найдутъ при самомъ изданіи, мы скажемъ только нѣсколько словъ по соображенію переписки. Уже въ 1813 году Калайдовичъ зналъ творенія Кирилла Туровскаго, добавляя о немъ свѣдѣнія къ издававшему словарь преосвященному Евгенію. Отъ 8 Мая, 1819 года, онъ обѣщаетъ графу вскорѣ «доставить новыя изслѣдованія, съ изчисленіемъ сочиненій о св. Кириллѣ, епископѣ Туровскомъ, знаменитомъ, но къ сожалѣнію мало извѣстномъ витіи нашемъ, принадлежащемъ къ XII вѣку.» Въ томъ же году, отъ 16 Ноября, препровождаетъ онъ на разсмотрѣніе Слово Даніила Заточника; а отъ 28 Марта, 1820 года, подробныя свѣдѣнія о твореніяхъ Кирилла. Графъ тотчасъ же изъявилъ желаніе, чтобы на его счетъ совершилось изданіе этого памятника XII вѣка: «Довольно сказать вамъ не могу, прибавляетъ онъ, сколь много утѣшаюсь надеждою скоро сдѣлать таковой важной подарокъ всѣмъ любителямъ отечественныхъ древностей и того, что ему въ отличіе.» Къ этому основному памятнику, мало по малу, началъ прибавлять Калайдовичъ другіе, изъ которыхъ между прочимъ,

отъ 10 Іюля, предложилъ прибавить Вирашаніе Кюриково и Иліи Новгородскаго Исправленіе. 1821-й годъ прошелъ, во время уже печатанія, въ интересныхъ розысканіяхъ о Кириллѣ, въ которыхъ самъ графъ принималъ весьма живое участіе, и для которыхъ сносился между прочимъ съ Линде и Минскимъ губернаторомъ. На конецъ, отъ 19 Декабря, 1821 года, графъ благодаритъ за успѣшное окончаніе дѣла и прибавляетъ интересное, характеризующее его, замѣчаніе: «Мнѣ жаль, очень жаль, что, меня любя, похвалили меня безъ воздержанія.» То же самое обстоятельство имѣло мѣсто въ 1822 году, при изданіи III-й части г. гр. и договоровъ: должны были перепечатать послѣдній листъ предисловія, ибо графу «не полюбились приторныя похвалы.» Не смотря, однако, на эти случайности, встрѣчено было изданіе полнымъ одобреніемъ, не только со стороны канцлера, но даже и Россійской академіи: 29 Августа, 1822 года, по предложенію президента А. С. Шишкова, академія, обративъ вниманіе свое на полезный трудъ, употребленный на изданіе книги «Памятники Р. Слов. XII вѣка,» положила ободрить Калайдовича награжденіемъ серебряной медали. На одной сторонѣ ея находилось вензелевое изображеніе имени императрицы Екатерины, увѣнчанное лаврами, съ надписью: «за похвальныя въ Россійской словесности упражненія»; на другой сторонѣ—изображеніе императрицы. При этомъ кстати замѣтимъ, что въ П. Академіи Наукъ Калайдовичъ былъ членомъ-корреспондентомъ съ 27 Апрѣля 1825 года. Другой важный трудъ, начатый въ то же время, именно весною 1818 года, состоялъ въ описаніи, съ помощію П. М. Строева, славной библіотеки графа Ѳ. А. Толстаго. Извѣстно, что онъ появился въ свѣтъ въ 1825 году, подъ заглавіемъ: «*Обстоятельное описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ, въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстаго; изд. К. Калайдовичъ и П. Строевъ, съ палеографическими таблицами почерковъ съ XI по XVIII вѣкъ.* М., въ т. Селивановскаго, 1825 года.» Ни самый впрочемъ трудъ, ни появленіе его (весною помянутаго года), не сопровождались для Константина Ѳедоровича чѣмъ-либо особенно пріятнымъ; даже можно сказать прямо, скорѣе были причиною нѣкоторыхъ огорченій. Печатаніе готово было не разъ остановиться; вышедшее скоро потомъ добавленіе къ описанію составлено было уже безъ участія Калайдовича; экземпляръ книги поднесенъ былъ императрицѣ отъ имени хозяина библіотеки; однимъ словомъ, тутъ имѣли мѣсто совсѣмъ уже иныя отношенія, чѣмъ съ графомъ Николаемъ Петровичемъ.

Въ первый разъ только въ разбираемый нами періодъ устроилась наконецъ служба Калайдовича. Апрѣля 8, 1818 года, отчисленъ онъ былъ, по прошенію, отъ университета, и, съ 1817 года занимаясь въ Архивѣ, только съ 13 Мая 1819 года, съ переименованіемъ въ губернскіе секретари, былъ высочайше утвержденъ въ званіи контръ-корректора при Коммиссіи печатанія гос. гр. и догов., не будучи еще впрочемъ причисленъ къ Архиву гос. колл. ин. дѣлъ. Въ этомъ же году, какъ извѣстно, издана была *II-я часть гос. гр. и договоровъ*, въ которой принималъ такое участіе Калайдовичъ. Приступили къ печатанію III-й части. Между тѣмъ 15 Марта, 1819 года, скончался, послѣ сорокалѣтней службы, отецъ его Ѳедоръ Дмитріевичъ. Вслѣдъ за тѣмъ Константинъ Ѳедоровичъ, 11 Января, 1820 года, женился на Катеринѣ Никитичнѣ Псаковой, дочери уѣзднаго Бронницкаго судьи Никиты Корниловича, и 17 Ноября того же года получилъ отъ нея сына, назвавъ его въ честь своего покровителя Николаемъ, а въ 1823 году дочь Людмилу. Съ этого времени все внѣшнее положеніе пришло въ порядокъ и устройство. Когда лѣтомъ 1822 года издана была *III-я часть гос. гр. и договоровъ*, А. Ѳ. Малиновскій сдѣлалъ представленіе высшему начальству, и 2-го Августа, по ходатайству графа Румянцова, государь, указомъ, причислилъ Калайдовича къ Московскому Архиву к. и. д., пожаловалъ орденомъ Св. Анны 3-й степени, за ревностную службу и труды, и, въ то же время, ему чрезъ канцлера объявлено монаршее благоволеніе за участіе въ изданіи III-й части Собранія г. гр. и дог. Октября 20 того же года, по просьбѣ Малиновскаго и представленію Румянцова, Калайдовичъ, «какъ опытный въ изданіи актовъ и заслуженный уже чиновникъ,» опредѣленъ главнымъ смотрителемъ въ Коммиссію печатанія г. гр. и догов.; въ 1823 году, Января 12, произведенъ въ коллежскіе секретари; 1824, Мая 26, назначенъ помощникомъ библіотекаря при Архивѣ: въ теченіе четырехъ за тѣмъ лѣтъ, 1824—1828, участвовалъ въ изданіи *IV-й части Собранія г. гр. и дог.*; 1826 года, Января 22, произведенъ въ чинъ титулярнаго совѣтника, а Декабря 6 пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени.

Возвратимся къ другимъ занятіямъ, которыя большею частію группировались или стояли близко занятій по архиву, ибо всѣ связаны были съ именемъ графа Румянцова. Въ 1819 году, по порученію его, изданы были К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ:

«*Законы В. Кн. Іоанна Васильевича и Судебникъ Царя и В. Кн. Іоанна Васильевича, съ дополнительными указами.* М., въ тип. Селиван., in 4.» Удивительно, какъ самое отдохновеніе Калайдовича обыкновенно сопровождалось занятіями и вело къ открытіямъ: такъ, лѣтомъ 1820 года, графъ путешествовалъ по Россіи, покупая рукописи, а Константинъ Ѳедоровичъ, недавно женившись, жилъ въ Бронницахъ и успѣлъ все-таки пріобрѣсть здѣсь для графа нѣсколько рѣдкихъ памятниковъ. Въ 1821 году издалъ онъ: «*Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ Новгородскихъ, изъ древнихъ Русскихъ лѣтописей; собралъ Калайдовичъ; печатано на иждивеніи графа Н. П. Румянцова.* М., въ тип. Селиван., in 4.» За изданіе это получилъ онъ отъ канцлера, отъ 19 Декабря, 1821 года, искреннюю благодарность и два экземпляра въ подарокъ. Между тѣмъ оно повело было къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, что̀ узнаемъ изъ слѣдующаго письма Константина Ѳедоровича къ А. Е. Измайлову: «Читая V-ю книжку вашего журнала, по всѣмъ отношеніямъ *Благонамѣреннаго*, я былъ удивленъ похвалою, мнѣ не принадлежащею, за изданіе Опыта о Новгородскихъ посадникахъ. Уклоняясь отъ сей чести, обязанностію поставляю извѣстить васъ, милостивый государь, что сочинитель Опыта, одолженный щедротамъ и вниманію госуд. канцлера гр. Н. П. Румянцова своимъ образованіемъ и любовію къ историческимъ занятіямъ, окончивъ похвальный трудъ свой въ Гомелѣ, подъ руководствомъ его сіятельства, по скромности скрылъ свое имя. Ревностный и попечительный мой начальникъ, его прев. А Ѳ. Малиновскій, получивъ рукопись отъ графа Николая Петровича, ввѣрилъ мнѣ напечатаніе сего полезнаго сочиненія; къ которому отъ стр. 297 по 310, съ одобренія моего начальства, я присоединилъ только *мои дополненія.*» Похвала Калайдовичу, о которой идетъ здѣсь дѣло, напечатана была въ Благонам. Спб., № V, 1822, стран. 201, 202, 203; отвѣтъ—въ № IX, 1822 года, стр. 366. Въ то же время собирался онъ издать *описаніе золотой Черниговской гривны и мѣдной* изъ собранія З. П. Зосимы.—Въ 1822 году печаталъ онъ въ Москвѣ, по порученію Петра Ивановича Кеппена, уѣхавшаго за границу, его «*Списокъ Русскимъ памятникамъ*»; лѣтомъ путешествовалъ вмѣстѣ съ графомъ до Ржева Владимірова; 31 Августа и Сентября 1-го осматривалъ древности и пріобрѣталъ старинныя вещи *въ Микулинѣ Городищѣ*, Твер-

ской губерніи, о чемъ оставилъ описаніе въ бумагахъ своихъ. Замѣтимъ при этомъ, что онъ весьма много занимался вопросомъ *о городищахъ*, и вообще счастливъ былъ тѣмъ, что, путешествуя довольно часто, особенно въ лѣтнее время, на мѣстѣ могъ повѣрять свои наблюденія и предположенія. Такъ, въ 1823 году, по поводу открытыхъ въ Старой Рязани драгоцѣнныхъ великокняжескихъ украшеній, посыланъ былъ туда для изслѣдованій, осмотрѣлъ окрестные монастыри и разнаго рода древности, отчетъ же о нихъ напечаталъ въ слѣдующемъ видѣ: «*Письма къ А. Ѳ. Малиновскому, объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи, съ рисунками найденныхъ тамъ въ 1822 году древностей;* соч. К. Калайдовича. М., въ унив. тип., 1823, in 8 (1).» Лѣто этого года канцлеръ жилъ на водахъ Кавказскихъ; и тамъ не переставалъ его извѣщать неутомимый археологъ о сдѣланныхъ открытіяхъ и пріобрѣтеніяхъ. И до какой степени разнообразны были эти открытія! На примѣръ, Мая 25, нашелъ онъ на Конной цѣлое *кладбище опальныхъ иностранцевъ и надгробный камень Ливонскаго ландмаршала Белля*, казненнаго при Иванѣ Грозномъ, о чемъ приготовилъ *подробное розысканіе для Общества Исторіи и Древностей*; другое современное открытіе состояло *въ чугунной плитѣ, выставленной Петромъ I-мъ на площади, съ описаніемъ стрѣлецкихъ злодѣяній*. Наконецъ въ томъ же году велъ онъ переписку съ М. В. Могилянскимъ, выхлопатывая для Аверина продажу *серебряной Владимировой монеты и собираясь описать ее вмѣстѣ съ двумя другими*. Эти изслѣдованія о монетахъ, обличающія большаго знатока, къ сожалѣнію, за другими важнѣйшими дѣлами, не были выданы въ свѣтъ и остались или въ бумагахъ покойнаго, или включены были въ письма къ разнымъ лицамъ.

Теперь слѣдуетъ намъ возвратиться къ дѣятельности Калайдовича

---

(1) Письма эти породили пренія, о которыхъ мы упомянули отчасти выше. Взглядъ Ходаковскаго, на древнюю географію Славянъ въ связи съ миѳологіею, высказанъ былъ имъ въ С. Отеч. (1820) и Вѣстн. Евр. (1819 и 1820). Мнѣнія наши сочувствіе въ министрѣ нар. просв., А. Н. Голицынѣ, и Карамзинѣ, вслѣдствіе чего, съ помощію правительства, Ходаковскій былъ отправленъ въ путешествіе. Откровенно бесѣдовалъ онъ съ Калайдовичемъ о шаткости нѣкоторыхъ своихъ основаній; но когда К—чъ указалъ на то въ своихъ археологич. письмахъ, Ходаковскій счелъ себя обиженнымъ, — обстоятельство, которому впрочемъ мы весьма обязаны, ибо онъ написалъ большую статью, въ которой основательно обличалъ промахи К—ча, и которая въ отрывкахъ помѣщена была потомъ въ Русск. Истор. Сборникѣ 1838 года.

въ Обществѣ Исторіи и Древностей. О ней давно уже не упоминали мы, и очень естественно: Общество долго молчало и только теперь воскресло къ новой дѣятельности. Апрѣля 12, 1823 года, избранъ былъ предсѣдателемъ А. А. Писаревъ. Непосредственно послѣ того, въ обыкновенномъ засѣданіи 14 Іюня, опредѣлило оно Калайдовичу издавать *Русскія Достопамятности*, то есть II-ю часть ихъ, о которой думалъ еще П. П. Бекетовъ при открытіи такъ называемаго Святославова Изборника. Планы къ изданію были представлены Писареву отъ Калайдовича 19 Іюня и 1-го Іюля (1). Послѣ засѣданія Общества 14 Іюня, обратились къ предпріятію, о которомъ Калайдовичъ пишетъ къ графу Румянцову: «Общество И. и Др. Р., движимое чувствами особаго къ вашему сіятельству почтенія, положивъ, въ обыкновенномъ своемъ засѣданіи, бывшемъ 14 числа сего

(1) Въ бумагахъ К—ча сохранилось любопытное, предполагаемое содержаніе II-й части: 1) Путешествіе ко св. мѣстамъ Игумена Даніила въ княженіе Святополка. — 2) Лѣтописецъ Русскій патріарха Никифора.—3) Уставъ Владиміра. — 4) Посланіе къ князю Дмитрію Юрьевичу Шемякѣ, 1448 года.—5) Грамота въ Сійскій монастырь о старцѣ Филаретѣ, бывшемъ потомъ патріархомъ. — 6) Молитва при заздравной чашѣ Годунова (напечат. уже въ Стеч. Зап.). — 7) Три письма царя Алексѣя Михайловича къ патріарху Никону.—8) Паремьи о убіеніи Бориса и Глѣба —9) О смерти Петра II.— 10) Сказаніе объ осадѣ Азова. — 11) Грамота Владислава, данная посланникамъ царя Михаила.—12) О товарахъ, ввозимыхъ въ Россію въ XVI вѣкѣ.—13) Шествіе патріаршее на осляти въ недѣлю ваій. — 14) Дѣло князя Пожарскаго съ княземъ Лыковымъ о мѣстничествѣ.—15) О Россіи или Московіи, изъ Космографіи.— 16) Духовная Климента, конца XIII вѣка. — 17) Бракъ царевича Алексѣя Петровича — 18) Краткая записка князя Семена Ивановича Хари-Шаховскаго о современныхъ происшествіяхъ и собственной службѣ, съ 1601 по 1650 годъ. — 19) О пришествіи Татарскихъ и Турецкихъ войскъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ къ Астрахани (1569 г. Марта 20).—Такіе-то щедрые и богатые подарки готовилъ намъ Константинъ Ѳедоровичъ, и конечно исполнилъ бы всѣ свои обѣщанія, если бы только Богъ продлилъ его вѣку.— Іюня 1, 1823 года, прочтено имъ въ Обществѣ « *Предложеніе объ изданіи лѣтописей и хронографовъ* ». Обозрѣвъ главнѣйшіе списки лѣтописей, говоритъ онъ такимъ образомъ: «Теперь, мнѣ кажется, Общество должно испросить у Николая Михайловича *Кіевскій Лѣтописецъ* или издать *Псковскую Лѣтопись*. Но какъ многіе опыты показали, что нѣтъ пользы повторять одно и тѣ же извѣстія въ десяти книгахъ, а должно *въ сравнительномъ ученомъ изданіи*, положивъ токмо древнѣйшій списокъ за основаніе, *представить разнорѣчія* изъ всѣхъ тѣхъ списковъ, какіе можемъ пріобрѣсти: то сперва необходимо *привести въ извѣстность наши историческія сокровища*. Въ библіотекахъ Софійской Новгородской и монастырей—Антоніева Сійскаго, а болѣе Соловецкаго, хранится многое, намъ неизвѣстное. При тѣхъ пособіяхъ, какія имѣетъ Общество, было бы весьма нужно *отправить для обозрѣнія помянутыхъ библіотекъ одного изъ членовъ*. Точно также, по мнѣнію моему, должно поступать съ *Хронографами*: собравъ ихъ, сперва сличить, а потомъ *въ сравнительномъ изданіи* представить ученому свѣту »...

мѣсяца, стараться, по возможности, *о продолженіи и окончаніи древнѣйшей Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку*, возложило на меня пріятнѣйшую обязанность отнестись въ семъ случаѣ къ вашему сіятельству, какъ ревностнѣйшему покровителю трудовъ историческихъ. Имѣя честь препроводить 13 листовъ Лаврентьевской лѣтописи, отпечатанныхъ въ 1812 году профессоромъ Тимковскимъ, теперь отъ лица всѣхъ членовъ испрашиваю вашего дозволенія и содѣйствія въ порученіи окончанія труда сего Обществу.» И это предпріятіе было такимъ образомъ предначертано также Калайдовичемъ, ибо въ выше помянутомъ своемъ предложеніи Обществу, говоря о Лаврентьевскомъ спискѣ и упомянувъ о 13 отпечатанныхъ листахъ его, онъ прибавляетъ: «Для чести Общества необходимо нужно *обнародовать сіе первое въ Россіи критическое изданіе, съ предисловіемъ, въ коемъ можно показать правила, которыми руководствовался покойный сочленъ нашъ.*» Нельзя забыть также о пожертвованіяхъ, представленныхъ чрезъ его руки Обществу отъ Г. Н. М., К. И. Аверина, Крупеникова, И. Н. Царскаго, при такомъ содѣйствіи, описаніи и объясненіи вещей, что Общество должно было, вмѣстѣ съ дарителемъ, воздавать равную благодарность своему сочлену. Даже въ засѣданіи 1828 года, Января 10, за нѣсколько уже дней до того, какъ Калайдовичъ совершенно сошелъ съ своего многотруднаго поприща, успѣлъ еще онъ прочесть сочиненіе свое: «*О мѣстѣ рожденія императора Петра 1-го.*» По смерти его находимъ въ бумагахъ цѣлую связку: «*Критическій разборъ Записокъ и Трудовъ Моск. Общества И. и Др. Р., и Русскихъ Достопамятностей.*» И, при всей этой обильной дѣятельности, посвященной Историческому обществу и конечно удивляющей читателя, замѣтимъ все-таки, что нами сообщены только краткія черты ея.

Наконецъ, издавъ въ 1824 году, подъ своимъ смотрѣніемъ, «*Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ* (составленъ онъ былъ покойнымъ пр. Григоровичемъ и присланъ Константину Ѳедоровичу изъ Петербурга)», Калайдовичъ заключилъ дѣятельность всего этого періода изданіемъ твореній *Іоанна Эксарха Болгарскаго*, присоединивъ къ нему, какъ извѣстно, замѣчательныя изслѣдованія и любопытнѣйшія дополненія изъ древнихъ памятниковъ. Считаемъ лишнимъ говорить о содержаніи и великомъ значеніи этого незабвеннаго творенія: каждый изъ насъ знаетъ, что оно, помимо нѣкоторыхъ

просмотровъ, представляетъ собою украшеніе и честь Русской ученой литературы, что оно поставило сочинителя во главѣ просвѣщенныхъ современниковъ, и наконецъ дало ему почетное мѣсто между всѣми Славянскими учеными въ Европѣ. Мы прибавимъ только нѣсколько обстоятельствъ, сопровождавшихъ появленіе знаменитаго труда. Отъ 10 Сентября, 1824 г., графъ пишетъ Калайдовичу: «Я желалъ бы, чтобы вы были свидѣтелемъ той радости, которую почувствовалъ я, получа первый экземпляръ ученаго изслѣдованія вашего о Эксархѣ Болгарскомъ, при письмѣ, коимъ вы меня удостоить изволили отъ 2 Сентября. Сей трудъ, за который я вамъ премного благодаренъ, сдѣлаетъ васъ извѣстнымъ вездѣ и навсегда, опредѣлитъ вамъ отличное мѣсто между всѣми вообще писателями нашего вѣка. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать другихъ экземпляровъ Эксарха, дабы первый изъ нихъ отправить къ митрополиту Евгенію и ученому Добровскому.» Скоро представлены были экземпляры значительнѣйшимъ лицамъ; ученые предлагали свои мнѣнія, большею частію доброжелательныя; Калайдовичъ принималъ ихъ къ свѣдѣнію съ большой благодарностію и скромностію (1). Онъ находился на высшей точкѣ своей ученой славы. —По представленіи экземпляра императ-

(1) Не входимъ въ разборъ, но приведемъ нѣкоторыя мнѣнія. И. Н. Лобойко, профессоръ Виленскаго Университета, привѣтствовалъ К—ча еще въ 1822 году (въ «*Dziennik Wileński*», Т. I. № II, m. Luty), когда тотъ печаталъ изданіе П. И Кеппена: «Konstanty Kałaydowicz, mieszkający teraz u Moskwie, liczy się w rzędzie nayznakomitszych znawców sławiańskich i rossyyskich starożytności. Winien mu już Świat uczony wiele ważnych pomników, wydanych nakładem Sw. Kanclerza Państwa M. hrab. Rumiańcowa». Теперь, отъ 3 Ноября, 1824 года, писалъ онъ между прочимъ графу: «Сіе достопамятное изданіе, представляя древнѣйшее произведеніе Славенской литературы, подастъ поводъ къ безчисленнымъ изысканіямъ и соображеніямъ, а особливо для Богемскихъ Славенослововъ. Я думаю, что они теперь воспользуются онымъ лучше, нежели мы въ Добнерѣ имѣютъ они знаменитаго предшественника... Но, благодаря Провидѣнію, даровавшему отечественному просвѣщенію столь знаменитаго покровителя, обогащающаго Россію новыми источниками Славенскихъ древностей, мы пробуждены отъ усыпленія, вкусъ къ отечественнымъ древностямъ и исторіи сдѣлался господствующимъ... Изданіемъ Іоанна Эксарха положенъ краеугольный камень въ основаніе Славенской палеографіи, которая должна пролить жизнь и свѣтъ на мрачную древность... Г-ну Калайдовичу принадлежитъ честь не только какъ ревностнаго и счастливаго изыскателя Славенскихъ древностей, но и какъ перваго основательнаго комментатора изъ Россійскихъ ученыхъ. Онъ обогатилъ изданные имъ памятники многими новыми открытіями и важными объясненіями въ пользу Славенской филологіи, исторіи словесности и церковной. Видно также, что у него въ рукахъ есть много другихъ достопамятныхъ матеріаловъ; но всего важнѣе Изборникъ Святославовъ съ рисунками и украшеніями, а особливо изображеніе семейства сего князя. Я думаю, что г. Калайдовичъ послѣ Эк-

рицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, получилъ отъ нея въ подарокъ, отъ 13 Октября, 1824 года, золотую табакерку. Отъ 18 Октября того же года получилъ всемилостивѣйшее благоволеніе отъ императрицы Маріи Ѳедоровны. Представленіе императору и награда, по обсто-

---

сарха ничего не найдетъ достойнѣе нашихъ ожиданій, его талантовъ и покровительства вашего сіятельства, какъ сей драгоцѣнный памятникъ. —Г-нъ Калайдовичъ пишетъ въ предисловіи, что онъ поздо получилъ Добровскаго Славенскую граматику, которая однакожъ, по его мнѣнію, могла бы быть для него наставительнымъ руководствомъ только въ частяхъ, а не въ цѣломъ. Напротивъ я, который довольно хорошо вытвердилъ эту книгу, увѣренъ, что безъ ней невозможно успѣшно совершить никакого филологическаго труда, и г. Калайдовичъ, прочитавъ ее со вниманіемъ, найдетъ много разрѣшеній на тѣ недоумѣнія, кои онъ показываетъ въ Эксархѣ; а совершенство частей доставляетъ совершенство и цѣлому ». Какъ примѣръ, приводитъ онъ достигательное наклоненіе на *мъ*. Приводя этотъ одобрительный отзывъ, мы должны сдѣлать одно только замѣчаніе касательно послѣдняго обстоятельства. Калайдовичъ могъ, по разнымъ причинамъ, не воспользоваться нѣкоторыми указаніями Добровскаго; могъ встрѣтить въ языкѣ такіе факты, при которыхъ помянутыя указанія не были достаточны; но что онъ пользовался граматикой и высоко цѣнилъ ее, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Еще отъ 7 Ноября, 1822 года графъ выслалъ ему оную для прочтенія и усовершенствованія изданія Эксарха. Мало того: ему обязаны мы переводомъ этой граматики на Русскій языкъ. Апрѣля 22, 1822 года, отнесся онъ съ просьбою къ А. Ѳ. Малиновскому, чтобы тотъ исходатайствовалъ помощь и покровительство канцлера для совершенія труда кандидатами Погодинымъ и Кубаревымъ, что̀ исполнено было потомъ, при назначенной наградѣ, первымъ изъ помянутыхъ лицъ и Шевыревымъ.—Мнѣніе г. Круга прислано было къ Румянцову отъ того же числа, 3 Ноября; онъ говоритъ между прочимъ: « je ne crois pas pouvoir Vous prouver mieux, Monseigneur, de quel intérêt cet ouvrage, dont Vous avez enrichi de nouveau votre patrie, a été pour moi, qu'en Vous communiquant là-dessus les légères remarques que voici »... О характерѣ этихъ замѣчаній, касающихся большею частію отдѣльныхъ словъ, можно судить по слѣдующему образцу: « p. 206, l. 15. M. Kal. demande: откуда взялъ оное Сербскій историкъ? Il auroit pu trouver la réponse dans ma Chronologie Byzantine, p. 166; J'y ai traité aussi p. 128, 156, 167, 169 etc. de Symeon et de ses fils, en tâchant de corriger les erreurs commises par Ducange, Pagi et autres. J'en ai encore quelques exemplaires et si M. Kal. le souhaite, je lui en offre un. » Въ заключеніи письма находимъ слѣдующее: « son édition lui fait honneur; elle a ressuscité en moi le désir de voir imprimé enfin d'Evangile d'Ostromir avec exactitude. Si quelqu'un comme p. e. M. Vostokov s'y vouloit prêter, je contribuerais volontiers pour ma part une centaine de roubles ». Что касается до отзыва о. пр. Григоровича, присланнаго изъ Гомеля, отъ 20 Февраля, то онъ ограничивается критическимъ разборомъ нѣкоторыхъ мнѣній гг. Круга и Калайдовича. Сообщая немедленно издателю всѣ эти отзывы, графъ, по тонкости такта своего, чувствовалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимость смягчить дѣло; вотъ что пишетъ онъ отъ 10 Марта, 1825 года «Г. Кругъ точно продолжаетъ сохранять въ отличной цѣнѣ ученое ваше изслѣдованіе о Іоаннѣ Эксархѣ Болгарскомъ; да послужитъ вамъ, милостивый государь мой, тому доказательствомъ, что онъ отъ имени моего посвящаетъ одинъ экземпляръ вашей книги славному собранію въ Карнтіи, извѣстному подъ именемъ Іоаннеума, учрежденному эрцгерцогомъ Іоанномъ, и объясняетъ притомъ все достоин-

ятельствамъ, нѣсколько были замедлены: уже 1826 года, Марта 29, высланъ былъ бриліантовый перстень, пожалованный императоромъ Александромъ I-мъ за поднесенный экземпляръ.

—

Послѣ изданія Іоанна Эксарха, трудясь по Архиву при изданіи госуд. гр. и договоровъ, по Обществу Исторіи и Древностей, о чемъ помянали мы выше, состоя въ прежнихъ отношеніяхъ къ графу, однимъ словомъ продолжая всю ту дѣятельность, которую однажды утвердилъ уже на прочныхъ основаніяхъ, Калайдовичъ, разумѣется, не могъ вскорѣ выпустить въ свѣтъ какое-либо обширное твореніе. За то онъ началъ уже готовить къ нему матеріалы и собирать всѣ нужныя свѣдѣнія. Къ сожалѣнію, надобно признаться, что благоразуміе, можетъ быть, требовало послѣ столь важныхъ трудовъ ослабить нѣсколько напряженность дѣятельности, чтобы имѣть время собраться съ силами. Неутомимый ученый не хотѣлъ дать себѣ ни малѣйшаго роздыху. Только что вышелъ въ свѣтъ Іоаннъ Эксархъ, какъ осенью того же года, именно отъ Октября 18, присланъ былъ указъ изъ синода въ Московскую контору, о допущеніи Калайдовича, согласно съ желаніемъ государственнаго канцлера, къ состав-

---

ство труда вашего Но сей почтенный академикъ сожалѣетъ и вновь о нѣкоторыхъ малыхъ неисправностяхъ, вкравшихся въ сочиненіе ваше. Я здѣсь прилагаю изъ его писемъ выписку для свѣдѣнія вашего и потому что давно съ вами привыкъ обходиться искренно и съ полною довѣренностію къ вамъ». Любопытно при этомъ сравнить собственныя слова г. Круга въ письмѣ къ графу: « comme le comte Lebzeltern est venu me voir une coupe de fois pendant que je fus malade, *je lui ai parlé du dessein de V. E.* de faire hommage à l'Archiduc pour le Johanneum à Graetz d'un exemplaire d'un ouvrage, dont je lui fis sentir l'importance ». Однако напрасно графъ безпокоился и спѣшилъ успокоить Калайдовича; этотъ отвѣчалъ ему очень скромно, благодаря отъ души за примѣчанія: « Я пріемлю съ живѣйшею признательностію таковое вниманіе къ труду моему, будучи далекъ отъ мысли почитать его безошибочнымъ, тѣмъ болѣе, что *я тщетно искалъ въ семъ дѣлѣ путеводителя.* Каждый пишущій долженъ желать такого участія и дорожить онымъ; *вамъ же*, сіятельнѣйшій графъ, приношу глубочайшее благодареніе за ту лестнѣйшую для меня честь, какую вы оказывать изволите, препровождая мою книгу славному собранію въ Каринтіи (отъ 25 Марта)». Графу не могло это не понравиться; «Хвалю и не дивлюсь, отвѣчаетъ онъ отъ 7 Апрѣля, что вы приняли такъ хорошо нѣкоторыя замѣчанія г. Круга»... Спустя нѣсколько времени получилъ К—чъ лестные отзывы отъ Копитара и Добровскаго.

ленію *подробнаго и ученаго описанія Синодальной въ Москвѣ библіотеки.* Отъ 9 Января слѣдующаго 1825 года графъ прислалъ ему слѣдующее убѣдительное письмо: «Алексѣй Ѳедоровичъ съ вами условится о желаемомъ мною сочиненіи ученаго и подробнаго каталога патріаршихъ и синодальныхъ рукописей. Приступите пожалуйте къ сему труду, коль скоро можно. Искренно желаю и надѣюсь, что вы преученымъ обработаніемъ сего каталога пріобрѣтете себѣ новую честь и оправдаете ту важную издержку, которую я понесу для составленія и изданія его.» Правда, нашлись нѣкоторые добрые совѣтники, старавшіеся поколебать Румянцова въ его рѣшимости и представить Калайдовича въ глазахъ его неспособнымъ: оба не удостоили вниманіемъ слишкомъ явнаго недоброжелательства, и дѣло продолжалось (1). Отъ 7 Апрѣля канцлеръ пишетъ: «Я съ душевнымъ порадованіемъ получилъ отъ васъ свѣдѣнія, доказывающія, что вы уже приступили къ нѣкоторому разбору манускриптовъ патріаршей и синодальной библіотеки. Конечно первая встрѣча отмѣннаго не представляетъ; но я въ полной надеждѣ пребываю, что со временемъ незапно нападете на такой древній манускриптъ, который станетъ оспоривать старшинство у Остромірова Евангелія. Разсматривайте пожалуйте все съ большимъ тщаніемъ и осторожностію. Предъ вами путь открытъ къ достиженію имени знаменитаго; не теряйте сей цѣли изъ виду!» Отъ 4 Мая, 1825 года, Калайдовичъ

---

(1) Отъ 6 Февраля 1823 года, при извѣстіи о новомъ важномъ предпріятіи ученаго, канцлеръ получилъ въ Петербургѣ слѣдующее письмо: « le catalogue raisonné des manuscrits slavons des bibliothèques Patriarchale et Synodale, de la confection du quel V. E. veut charger M. Kalaidowitch, est sans aucun doute un ouvrage, qui peut lui faire le plus grand honneur, s'il l'exécute comme il faut. Mais la tâche est sûrement très difficile. Plusieurs de ces manuscrits sont traduits du Grec: comment M. Kal. se tirera alors d'affaire? Ce qui me porte à cette reflexion, ce sont douze mots grecs qu'il a fait imprimer—Часть II. des Зап. Общ. Ист. и Др. page 9, et dans lesquels il se trouve justement douze fautes. Quel besoin de se compromettre ainsi! On ne peut pas même pour se disculper rejeter la faute sur le compositeur, car on s'est avisé mal-à-propos d'en corriger une des plus légères erreurs dans les опечатки p. 240 « ѻ читай ѻ »,sans se douter même de toutes les autres! Veuillez lui conseiller surtout, Monseigneur, de ne jamais se fier complètement à son propre savoir et de n'avoir répugnance à recourir souvent aux lumières des personnes, qui sous plusieurs rapports doivent être nécessairement plus savans que lui, ce qui ne trouvera pas de difficultés dans une ville comme Moscou; que M. Kal. s'abstienne aussi de faire imprimer tout ce qui lui vient dans l'esprit sans consulter quelqu'un ». Графъ тотчасъ переслалъ это письмо Калайдовичу.

извѣщаетъ уже: «въ синодальной библіотекѣ я описалъ 58 рукописей.» Такого напряженія однако не сдержали силы,—онъ сильно захворалъ и отъ 10 Сентября писалъ другу своему Дм. Н. Б.-Каменскому: «Нервическое разслабленіе—слѣдствіе неумѣренныхъ трудовъ—разстроило совершенно мое здоровье.» Понятно, какое гибельное слѣдствіе могло угрожать отъ такой болѣзни здоровью, и безъ того слабому. Однако и среди самаго лѣченія онъ старался пользоваться всѣми средствами занятій: прохворавъ лѣто и для поправленія путешествовавъ шесть недѣль въ Іюлѣ и Августѣ, употребилъ онъ путешествіе на увѣнчавшееся успѣхами отысканіе разныхъ рукописей въ селѣ Дѣдновѣ, Коломнѣ, Зарайскѣ, Каширѣ, Веневѣ. Съ осени опять начаты были прежнія занятія и съ прежнимъ рвеніемъ. Баронъ Розенкампфъ, трудившійся въ то время надъ изслѣдованіемъ разныхъ рукописей Кормчей книги, черезъ посредство графа, обратился къ Калайдовичу за помощію: для него онъ сообщалъ разныя свѣдѣнія, напримѣръ описаніе извѣстной синодальной рукописи «*Посланій митрополитовъ.*»

—

Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ скончался, Генваря 3, 1826 года, къ общему сожалѣнію Русскихъ ученыхъ, къ глубочайшему прискорбію имъ облагодѣтельствованнаго. Ослабѣвшее здоровье, напряженныя занятія и отсутствіе такого покровителя, которому подобнаго нельзя уже было встрѣтить, все это готовило гибельный ударъ. Въ началѣ Февраля 1828 года Калайдовичъ подалъ жалобу въ медицинскую контору на то, что « въ бытность его коммиссіонеромъ казеннаго Глѣбовскаго подворья, за искорененіе тамъ злоупотребленія, учрежденіе порядка и доставленіе значительнаго дохода въ пользу Глазной больницы, члены оной, удаливъ его отъ должности, разнесли слухи по Москвѣ, что будто онъ лишился ума; а потому проситъ онъ защитить его отъ сихъ неосновательныхъ поступковъ, въ особенности же докторовъ М. и Э., освидѣтельствовавъ притомъ на основаніи коренныхъ законовъ имперіи.» Бумага свидѣтельствовала о помѣшательствѣ. Апрѣля 10, при Московскомъ полицмейстерѣ, попечителѣ подворья, частномъ приставѣ, супругѣ, депутатахъ отъ архива и университета, наконецъ добросовѣстныхъ, по произведеніи слѣдствія, отобраны бумаги и вещи,

принадлежавшія казеннымъ мѣстамъ. Недокончепныя сочиненія остались во множествѣ бумагъ, возбуждающихъ интересъ нашъ и удивляющихъ обиліемъ свѣдѣній, обширностію плановъ; осталось значительное собраніе книгъ по Русской исторіи и древностямъ. Прерванное описаніе синодальныхъ рукописей помѣщено было въ особомъ изданіи *Архива*, отпечатанномъ, но по обстоятельствамъ не выпущенномъ (1). Предпринятое въ 1827 году изданіе *Русскаго Зрителя*, превосходное по плану и обѣщавшее много любопытнаго по самимъ уже собраннымъ матеріаламъ, продолжаемо было въ 1828—1830 годахъ людьми, близкими къ издателю (2).

Біографія прерывается, ибо послѣдніе дни жизни К. Ѳ. Калайдовича не подлежатъ описанію. Разсудокъ отчасти возвратился, но не возвратилось уже здоровье. Отъ бѣдности охранялъ семейство пенсіонъ въ тысячу рублей. Декабря 6-го, 1831 года, присланъ былъ Калайдовичу перстень отъ государя наслѣдника, за поднесенный ему *«древній и весьма рѣдкій атласъ.»* Апрѣля 19 (3), 1832 года, Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ скончался.

1852 г.

*

Примѣчаніе. Очеркъ писанъ давно; въ немъ конечно много неполноты, много пропусковъ, и, можетъ статься, даже погрѣшностей, а обстоятельства не дозволяютъ намъ пополнить его (хотя и есть довольно средствъ подъ руками). Но, передавая эту статью ученымъ, въ ея настоящемъ видѣ, мы утѣшаемся надеждою: оживить память о

(1) Изданіе К. М. А. О., «Архивъ разнородныхъ и преимущественно историческихъ свѣдѣній»; описаніе кончено на VII связкѣ, части I, № 101-мъ въ Архивѣ заняло 62 страницы, остальное же дополнено было другими Московскими учеными.

(2) Здѣсь между прочимъ помѣщены статьи изъ матеріаловъ, собранныхъ Константиномъ Ѳедоровичемъ: *О мѣстѣ рожденія Петра 1-го; О надгробномъ памятникѣ Марѳы Посадницы; Объ Іоаннѣ Экзархѣ;* извѣстіе о *Глаголической рукописи; Цыфирное письмо;* письмо Карамзина и отвѣтъ Калайдовича *о Тушинскомъ станѣ.*

(3) Пока живы были сынъ и супруга К—ча, я почему-то, быть можетъ съ ихъ словъ, увѣренъ былъ въ этомъ числѣ; но, желая себя провѣрить недавно обратился я къ обязательному Д. И. Штейнбергу, который былъ близокъ въ семейству К—чей, и получилъ отвѣтъ, что, по его памяти, день кончины былъ 9-го Мая. Не имѣя чести быть знакомымъ съ прочими родными покойнаго, я оставляю этотъ вопросъ нерѣшеннымъ.—*Примѣч. 1860 г.*

незабвеннымъ дѣятелѣ; вызвать его друзей и сверстниковъ, еще живыхъ, къ разнымъ воспоминаніямъ и снисходительнымъ поправкамъ, дополненіямъ, объясненіямъ сообщенныхъ нами данныхъ; наконецъ, дѣятелямъ молодымъ, напомнить объ этомъ благодарномъ и благородномъ предметѣ, достойномъ занять молодыя силы изыскателей,— говоримъ о возстановленіи всей эпохи Калайдовича, богатой проснувшимся ученымъ трудолюбіемъ, объ этихъ десяткахъ лѣтъ, достопамятныхъ въ исторіи нашихъ ученыхъ открытій и изслѣдованій. Передаемъ трудъ свой въ печать, какъ набросанную основу для лучшей и полнѣйшей отдѣлки. Собраніе бумагъ, переданное М. П. Погодинымъ въ Публичную библіотеку, хранитъ множество пособій и данныхъ для дальнѣйшей разработки сего предмета.

1860.

